

Ричард Чкадуа

ЧАН

Сухум — 2016

УДК 82–3
ББК 84 (5Абх) 6-44
4–74

Г/Р 978-5-166-104-12016

Издание осуществлено при финансовой
поддержке ЗАО «АКВАФОН-GSM»

Автор выражает благодарность
Алхасу Аргун

Ричард Чкадуа. Чан: *Рассказы/Р. Чкадуа. — Сухум, 2016. — 160 с.*

УДК 82–3
ББК 84 (5Абх) 6-44
4–74

Г/Р 978-5-166-104-12016

Чан ©2016 Р. Чкадуа

*Когда память станет словом,
жизнь обретет смысл...*

ТРОЕ

Он видел Бога в темноте августа, лежа на спине у берега реки. Никому не хотелось говорить — трое, они лежали, вглядываясь в небо. Каждый думал о своем. Тишина, словно ночной туман, стелилась по земле, иногда ее нарушал чей-то вздох. Три струйки сигаретного дыма ровными столбиками жили в ночной прохладе. Он время от времени пускал табачные колечки. словно фотографии в рамках, звезды в них жили недолго, но все-таки жили. Потом колечки таяли в ночи, а звезды оставались, мигая синевой в ночном небе. Столько всего было сказано за все прошедшие до этого дни, что наслаждение тишиной было абсолютным для каждого.

Как сильно желание жить... Жить для того, чтобы увидеть воплощение собственной мечты — счастья.

Первая осень после войны привела их на старый лодочный причал. Опять втроем, опять молча они шли к его концу. Волны наполняли дрожью ржавые сваи, дырявые доски скрипели под ногами. Перед ними лежало море, и далекое темно-красное солнце вгрызалось в линию горизонта.

— Дойду до конца причала и взлечу! — сказал самый молчаливый.

— Дойду и брошусь в воду, — сказал самый юный из троих.

— Я вернусь обратно, — сказал тот, кто видел Бога.

Давно уже нет в живых того, кто был самым юным. Молчаливый нашел себя в Вере. Третий вернулся...

КОНТУЗИЯ

Перенасыщенное присутствие света определило тьму в глазах. Слепцы от яркого огня. Глухие не потому глухи, что не слышат звуков, исходящих извне, а потому, что наполнены музыкой внутри себя, она заменила все, что мог дать окружающий их мир. Казалось, будто огромный симфонический оркестр играет в тебе бесконечное форте на пике разумного восприятия. Разумное закончилось, когда сквозь оркестр, разрывая плоть, физической болью прорвался локомотив с присущим ему металлическим лязгом и свистом пронзительного гудка. Голову пришлось стянуть тугой повязкой, ее разрывало на мелкие кровоточащие осколки. Звуковое извержение вулкана, зародившееся в глубине воспаленного мозга.

На горячем асфальте, рядом со мной, лежало солнце, такое же серое, как и я. Яркое пятно ручных часов, только оно имело цвет. Когда-то, незадолго до войны, они были куплены на Арбате. Флаги СССР и США на круглой арене циферблата.

Молоденькая медсестра, инстинктивно пригибаясь от разрывающихся в воздухе снарядов, медленно, но упорно тащила мое тело через дорогу в полуразрушенное здание, бывшее когда-то магазином. Там, на подступах к столице, мое сознание отделилось от меня — оно осталось на горячем асфальте, с серым полуденным солнцем и играющим оркестром. Она прикурила две сигареты... и для себя тоже. Я не мог говорить, а она рассказывала о себе, что убежала из дома вслед за братом на фронт. Мир берет свое, война отступает на позиции Памяти и там ноющей болью занимает все свободное пространство.

НЕПОНИМАНИЕ БЫТИЯ

Простить врага, но не оправдать его действия, не ищущие понимания за давностью лет грехи. Град, побивший спелые плоды. Сад, уничтоженный непогодой. Весна — застенчивость зеленого на молодых побегах — обволакивает старое дерево. Рассвет, не имеющий опыта сбора урожая, буйный, как стихия грозы, и неосторожный, как утреннее солнце, пробивающееся сквозь туман.

Простить врага, не прочувствовав боли сломанных веток. После бури прошедшей осени сила новой весны затмила реальность опадания осенних листьев. Сад жив, пока старые кряжистые деревья не расчленены на дрова. Плодоносность жизни кто-то определил количеством пней — чем больше срезанных стволов, тем меньше будущего. Прошлого всегда больше. Лето — это не испепеляющее солнце, лето — это тень под кроной густых веток.

Простить врага, подать ему руку, здравия желать при встрече, принимать радость его по отношению к себе. Приблизиться к основам истины, прописанной в мудрых книгах. Созреть и упасть наливным яблоком в морщинистые руки того, кто разбил когда-то сад в горной долине. Осень — время, когда задумываешься о прошлом, время воспоминаний и утраченных надежд.

Простить врага, затаив в себе вечную боль потерь. Не растерять памяти, держа руки за спиной, в которой застрял чей-то виноватый взгляд. Сухими листьями уложено ложе для зрелых плодов, бережливо упрятанных в пахучее сено, время ожидания ухода. Сухое, безжизненное дерево, распиленное на ровные дощечки, пни — как назидание за беспечность прощения. Зима — это то, что за гранью прощения.

СОПРИКОСНОВЕНИЕ МОЛЧАНИЯ С ОСЕНЬЮ

Внутренний мир есть начало диалога с теми, кто окружает нас во внешнем мире. Диалог не всегда слова: это мысли, взгляд, проявление эмоций. Диалог — это реакция на радостные события, это глубина той боли, которая, как озеро, плещется в душе. Когда соприкасаются два мира — внешний и внутренний — происходит конфликт, подобный соприкосновению кремния с подобным ему камнем: высекается искра. Огонь согревающий и огонь поглощающий всегда опасны своим жжением.

Огромные стекла «Бариты» изолировали нас от вечерней набережной. Сегодня встретились два друга, что в последнее время, к сожалению, бывает редко. Молча пили кофе. Говорить хотелось о многом, но при нечастых встречах многословие отступает перед общим созерцанием осенней темноты за окном. Вдох определялся разгорающимся огоньком сигареты, выдох — длинной струей табачного дыма, выпущенного в прозрачность стеклянной стены.

Иногда ловишь себя на мысли, что именно данный миг собственного бытия останется в твоём сознании надолго. Память настолько выборочна, что не всегда понимаешь логику запоминающихся жизненных мгновений.

Как много времени отбирает у нас обыденная текучесть существования. Как мало мыслей, на самом деле, мы оставляем друг другу. Абхазы говорили: «Аибабара ауп икоу» («Есть только общение»). Тем самым до нас доносилась мысль, что самое ценное в жизни не материальное, а духовное. Ценно

то, что сохранит твоя память, то, что определяют воспоминания людей о тебе, когда ты поменяешь свою Вселенную. Каждый, зная это, старается отодвинуть от себя мысли о собственном уходе из бренного мира, отодвинуть подальше от себя понимание бесспорной справедливости народной мудрости. Уходит в никуда безвозвратно поколение, растворяется во Времени, как табачный дым в осенней ночи Мухуса.

УТОПЛЕННИКИ ВРЕМЕНИ

Все мы стоим в воде — кто по щиколотку, кто по колено, кто по горло. Река Времени — минуты иссушающей жажды, секунды, оставшиеся до полного погружения в трясину, в болото собственного тщеславия. Кругом вода, во всевозможных своих физических формах. Только снежинки неповторимы в своей индивидуальности и красоте. Лед, сковывающий разум и теплоту сердец. Никто не знает истинную глубину своего погружения, для всех существует лишь Река Времени, бурный поток хрустальной прозрачности. Мы обманываем себя желаемой чистотой собственного нахождения в водах Истины. Горы порождают течение, несущееся к морю, море питает небо, оно, в свою очередь, рождает облака, питающие Землю дождем. Холод превращает еще не родившиеся капли дождя в снежинки. Время не имеет начала и не имеет конца. Круговорот воды определяет поиск разумного в пустыне искусственных ценностей, созданных Человеком во время секундного отдыха Всевышнего. Он устал от совершенствования своего самого ОБРАЗного дитя. Узкомыслие «существа разумного» породило нарушение Законов Времени, тщетность созидания мировой гармонии, и она видна на поверхности воды. Тот, кто тонет в Реке Времени, не способен повернуть вспять ее воды.

БЛУЖДАЮЩАЯ ПАМЯТЬ

Театр — словно библиотека, вместо увесистых фолиантов — тени. Тени великих людей — без имен, без обозначений. Только лишь образы, эфемерные, как облака, недостижимые, как само небо. Оно, опускаясь к человеку, становится вдыхаемым им воздухом. Архив исканий, переживаний, творческих подвигов. Архив забытых людских судеб. Словно воины всех войн, прошедшие сквозь смерть и жизнь, переступившие границу Вечности, победившие собственное тщеславие в битве за собственное обозначение в Творчестве, и исчезнувшие во Времени, растворились... раз творились.

Страшные годы репрессий, конец 30-х годов ушедшего века. Молодой актер, задержавшийся после вечерней репетиции, замер, находясь на колосниках.

Не видя, как с улицы под покровом ночи подъехали черные автомобили, не видя людей в форме, не видя арестантов, входивших в здание, остался наедине с неожиданным появлением людей в ночном театре.

На сцене шел суд. Самый настоящий, несмотря на всю театральность постановки действия. Судьи были реальными, подсудимые тоже. Красноречие обвинителей, немногословие обвиняемых, сегодня никто не перескажет нам с вами.

Приговор — расстрел, в соседней за сценой комнате. Суд окончен, грузовые машины с надписью «Хлеб» на зеленых бортах увозят трупы врагов народа. Власть в скрипучих кожаных пальто, отыграв свои роли, возвращалась в лоно своих семей: играть со своими детьми, ласкать своих жен, просто

пить сладкий чай после трудового дня. Идеология всеобщей завершенности — как сверхзадача новой пьесы.

Страх медленно отступал, автоматически. Не чувствуя собственного тела, актер спустился к сцене, прошелся по ней, приоткрыл дверь комнаты, в которой стены были забрызганы кровью расстрелянных здесь людей...

В театре живут тени, их много — тени великих актеров, тени беспощадных палачей, тени невинных жертв. Никем не прочитанные страницы Истории. Театр — не храм, театр — архив людских судеб.

ДОМ ИЗ КАШТАНА

Наши представления об окружающем мире довольно индивидуальны, а порой и странны. Я почему-то количество выпавшего зимой снега сопоставлял с высотой деревянного забора, если его не видно под белым покрывалом, значит, зима удалась. Дом наш, довольно небольшой, бельэтажный, стоял на холме и окружен был со всех сторон горами. Обычно его засыпало по самые окна. Вертикаль печной трубы прорастала сизым стволом, тянущимся к небу, и такая картина была естественна для всего поселка с необычным для того времени названием — Абхазский. Стоит отметить, что всего-то дворов в нем было около тридцати, и из них десяток — уже не жилых, хозяева которых подались в город. Наша семья стала исключением, подтверждающим правило. Мы переехали из города в горы.

Тишина тоже имеет свою градацию, безмолвие бывает разное, и осознаешь это, находясь в абсолютной тишине. Далекий крик сойки в лесу, словно резонатор, сотрясал безмолвие природы, и сонливость падающих снежинок прерывалась легким ветром. Утренняя тишина — первый вестник удачного дня.

Первоочередное — протоптать круглыми лыжами тропинки к пацхе, погребу, проверить на боеготовность к завтраку всю живность в хозяйстве, запастись дровами и углем, сложив это все поближе к печке.

Второе — поймать соседского мула. Это было нетрудно, он все время бродил под подвешенным на дереве стогом сена, словно единственная (минутная) стрелка на циферблате испорченных часов, накручивал круги по бесснежному пространству. Закрепив к его спине два увесистых мешка с кукурузой, в сопровождении чистокровной дворняги я отправлялся на водяную мельницу. Дорогу пробивал вечно сонный, несчастный мул, подгоняемый

бесконечным лаем пса. Скорее, это был тоннель, проходящий в снегу меж огромных деревьев каштана и высоченных чинар. Первые пару сотен метров боковые стены тоннеля, словно губка, очищали бока мула, оставляя на себе шерстинки и коричневую грязь несчастного вьючного животного.

Лес живет своим измерением, как временным, так и звуковым. Это только на первый взгляд кажется, что ты в нем один. На самом деле ты просто объект для наблюдения его обитателей, причем хозяева наблюдают за тобой не всегда молча. Где-то в середине пути я останавливался у большого дома, в котором уже много лет никто не жил. Это была когда-то богатая усадьба, с садом. Сам дом был целиком собран из каштановых досок, крыша была покрыта дранкой. В саду еще плодоносили зимние яблони, и все, кто проходил мимо, собирали плоды и высыпали прямо на пол балкона, где они виднелись сквозь почерневшие от старости резные перила. Там же, в доме, можно было развести огонь, обсушиться, испечь в золе яблоки и в абсолютном безмолвии насладиться сигаретой, не боясь быть застигнутым врасплох старшими, при которых, конечно, еще не курил.

Мельница — это небольшое сооружение прямо у русла реки, нехитрая наладка скорости жерновов, заслонка высвобождается на волю, и вода сильной струей начинает крутить колесо самого прекрасного в мире механизма. Сказочность окружающего дополнялась покрытыми слоем льда камнями, разбрызгиваемая течением вода превращалась в прозрачный панцирь для валунов, разбросанных по всему берегу. Мельница и сон — это неотъемлемые понятия, невозможно удержать себя от самого сладкого и глубокого сна под чарами крутящихся жерновов.

Обратный путь — он всегда короче. Когда возвращаешься домой, расстояние уменьшается в разы. Законы математики отступают перед сознанием юноши, наполненного познанием окружающего мира.

ДЖАНТОУ

Сталин заявил о себе, войдя в моё детское сознание не как политик или палач народов, а как явление загадочно-недоступное. Поселок, в котором я родился и вырос, образовался в далеких 40-х годах. Население его, по тем временам довольно не маленькое, что-то около 7–10 тысяч человек, было представлено почти всеми национальностями, образующими СССР. Инфраструктура была развитой и довольно самодостаточной. Детям было раздолье: парк, спортплощадка, огороженная высокой металлической сеткой, через которую мы все-таки умудрялись перебрасывать мяч, играя в футбол. Темнота никак не останавливала нас, детей, благо, яркое освещение располагало к летним забавам и ночью.

Школа, кстати, как и большинство жилых домов, была отстроена пленными немцами. Непредсказуемые дороги Второй мировой привели этих умелых строителей, а в прошлом солдат вермахта, в наш горный край. Величественные останки их труда до сих пор служат людям, оставшимся в этом забытом Богом и властями крае.

Рядом со школой был разбит небольшой парк, окруженный кустами самшита, огромные платаны величественно красовались над ними, оголяя миру свои кряжистые корни. Видимо, сказочность форм этих исполинских деревьев не желала прятаться под землю и потому служила нам причудливым царственным троном.

Венцом всего этого творения рук человеческих был памятник, вернее, 5–6-метровый постамент, подобно формам парка, прямоугольный и окруженный со всех четырех сторон бетонными лестницами.

Самого Большеусого, а точнее, его многократно увеличенную голову, возвышавшуюся над поселком, никто из моих ровесников не застал. Взрослые не очень-то и охотно рассказывали о том, куда делась гранитная голова. Джан-

тоу — это самое что ни на есть предисловие угольного забоя, дальше и выше — лишь горы и шахта. Асфальтированная автодорога, ведущая из центра Ткуарчала на Джантоу, словно длиннющая змея вползала в ущелье, повторяя собою все изгибы и повороты горной реки, над которой она была проложена.

Бурный приток Аалдзги, испещренный мостами и мостиками разной величины, держал свое направление к морю, следовательно, неся навстречу солнцу. Завершали все это великолепие на третьем ярусе поднебесья стальные тросы канатной дороги, протянутые по всей длине дороги и реки.

Оттепель 1953-го пришла на Джантоу темной ночью. Откуда-то приехали грузовик с солдатами, тракторы, и металлическая петля огромных размеров была накинута удавкой на самого популярного грузина того времени. Голову успешно сбросили наземь. Подробности транспортировки мне никто не рассказывал, но знаю точно, что голову Сталина сбросили не так далеко от Джантоу, с высокого моста в реку, и она много лет еще была видна людям, проезжающим по мосту на автомобилях.

Мне всегда нравилось приходиться на закате к памятнику и смотреть, как под заходящим солнцем блестят отполированные стальные нити канатной дороги, как дорога, извиваясь между гор, уходит в заманчивую неизвестность.

Через много лет, после войны, теплой зимой я приехал домой уже со своим сыном. Ему было столько же лет, сколько и мне в те годы, в которых осталось мое детство. Темнело, было тихо, и опустошенность была всевластным владельцем старого школьного парка. Как-то незаметно и тихо к нам подошла моя бывшая соседка Венера, красивая в своей благородной старости женщина. Слова, которые она сказала тогда, врезались в память: «Все вы уехали, и уже зимой здесь не выпадает снег...».

АНАКОПИЯ

Шерстяные нити, разбросанные по глиняному полу, напоминали ей высохшее русло горной реки. Она была старой, как и сам век, которому она являлась ровесницей. Почти никто в доме уже многие годы не слышал ее голоса. Все, что нужно было сказать, она уже сказала за свою длинную жизнь. И пока она пряла нить, ее губы шевелились, не издавая ни звука. О чем шептала она, не произнося свои мысли вслух, не знал никто. Пальцы слушали нить, которая вела их по проторенному пути уже много лет. Время от времени, словно по волшебству, серебристо-белая нить приподнималась и собиралась в плотный и тяжелый клубок. Когда очередной шерстяной шар ложился в плетеную корзину, она набивала свою глиняную трубку табаком, и ароматный дым окутывал её лицо, возносясь над волосами цвета высохшего русла реки. Мир за окном всегда принимал её невидящий взгляд, хоть и ничем уже не мог помочь этим почти ослепшим глазам.

Не одно поколение мужчин её рода уже много лет подряд спускается в долину и с восходом солнца до самого заката вывозит тяжелые плоские камни, устилавшие дно некогда бурной горной реки. Её отец, братья, отец её сыновей — все они уже несчетное количество раз проделывали этот тяжелый путь к окраине деревни, сваливая свой груз во дворе каменотеса, который срезал с камней все лишнее, превращая их в прочные блоки правильной формы. Много лошадей сбили свои копыта, перетаскивая неподъемные волокуши, несчитанное множество подков было сделано умелой рукой кузнеца. Вся община из поколения в поколение жила одной целью — Созданием.

Когда-то давно в окне она увидела молчаливую вереницу людей, направлявшихся к её дому. Тишина, сопрово-

ждавшая сгорбленные спины мужчин, пугала своей неотвратимостью, тревожно приближаясь к ней опущенными к земле взглядами мужчин. Выбежав навстречу к ним, она сразу все поняла, когда расступившиеся мужчины обнажили её взору свой страшный груз. Отец её детей лежал на наспех сколоченных носилках, укрытый с головой черной буркой. Сорвавшийся кусок скалы оборвал его жизнь.

С того дня её глаза перестали отличать свет от тьмы. Сегодня она ожидает своих сыновей. Они впечатывают свое имя в крепость, которую никто не сможет разрушить. Много врагов пало за смертью у стен Анакопии. Никто не помнит имен тех, кто посвятил свою жизнь защите Апсилии.

В каждой башне отпечатан Род, в каждом камне застыло Имя. Каждое утро уже много веков подряд открытая ладонь на развевающемся от вольного ветра флаге встречает солнце. Солнце непокоренной Анакопии.

ЛЕТО СИЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Поезд вез меня и Амирана в Абхазию. Позади нас оставались зимний Черкесск, весенний Харьков, больница и дом, утопающий в снегу.

Амиран после плена — ослабленный и злой. Весна была ранней, и теплоту наступающего лета дарили школьники, заполнившие плацкартный вагон: где-то под Сочи их ждал детский лагерь.

Мои опасения, связанные с обманчивым спокойствием окружающего мира, подтвердились, когда внезапно открылись не до конца зажившие раны Амирана. Как назло, в вагоне кроме проводника, у которого водки было больше, чем лекарств в аптечке, а также меня и молодой учительницы, сопровождавшей детишек, никого из взрослых не было.

Трудности покинули нас лишь в Сочи, уже в машине скорой помощи, которая и довезла нас до границы с Абхазией. Вечер мы встретили в шумной гостинице «Черноморец», превратившейся в то время в огромную казарму.

Комната на двоих, неработающий душ и столовая с неизменной кашей. Утром представилась возможность ознакомиться с Гудаутой.

Пешком прошли до детского сада, в котором размещалось родное телевидение. Родное оттого, что было наполнено, как улей, близкими людьми — с богатыми душами и полными болью глазами. По иронии судьбы мою аппаратную видеомонтажа разместили на первом этаже, в комнатушке медсестры. На память от девушки остались стеклянный шкаф и белые занавесочки, прикрывающие лишь нижнюю часть окна.

Одно преимущество было неоспоримо — рядом располагалась кухня, она же столовая, она же ночной клуб для

уставших телевизионщиков. Ближайшие соседи — Гаррик Аристава и Астамур Садзба, делили на двоих огромные апартаменты. Выше этажом прямо надо мной — вип-номера военкора Эммы и режиссера Заиры. Работа в основном была ночной.

За день на многих участках фронта снимались километры кадров неумными операторами и еще более непоседливыми журналистами. Все это надо было обработать, приготовить логическое экранное блюдо и подать зрителю. Днем обычно во дворе детсада под алычой собирались на пятиминутку все сотрудники телевидения. Нас с Астиком на ней не ждали, ибо мы привилегированно спали после ночного монтажа.

Вспоминаю один эпизод. Утро. Под нашим окном идет бурное обсуждение прошедшего дня. К сожалению, почти всегда новости омрачались известиями о погибших. Наверное, это специфика работы, профессиональная болезнь — герои передач, над которыми работаешь, становятся родными тебе людьми. Потеря каждого из них была болезненной. Вдруг минутная тишина — и послышался чей-то спокойный, уверенный голос, который даже не прерывался репликами наших коллег. Астик и я, спавшие в это время на кушетках, на которых обычно детям делали уколы, тотчас были разбужены. Конечно, мы были возмущены до предела тем, что незнакомец говорил именно под нашим окном. Одновременно мы потянулись к подоконнику, чтобы прервать речь этого раннего гостя. Надо отметить, что аппаратная была довольно тесной, и весь табачный дым наших бессонных ночей так и не выветрился. Окно мы распахнули почти одновременно. Наши взъерошенные головы, одна из которых была украшена очками с толстыми стеклами, а другая — моя — с обросшей шевелюрой, выстрелили дуплетом из раскрытых створок. Мгновением раньше нас на свежий утренний воздух вырвалось большое облако дыма, выпущенное на свободу. То, что предстало нашим взглядам, не могло присниться

даже в страшном сне воякам по ту сторону фронта. Во дворике в окружении телевизионщиков стоял Владислав — в светло-сером летнем костюме, светлый всем своим образом, уже олицетворявший собой эпоху. Он бросил в нашу сторону взгляд и, не прерывая своей речи, опять перевел его на телевизионщиков, внимавших ему. Я долго описываю эту картину. На самом деле пролетел лишь миг. А может, время просто остановилось в тот момент, но пока он поворачивал голову к слушателям, мы успели закрыть окно и исчезнуть не только в глубине комнаты, но и в зарослях огородика, который разбила женщины в детском саду, в то время именуемом Абхазским телевидением.

Много светлого и трагического осталось в тех годах. Это потом было утро после ночного «банкета» с русскими летчиками в «Черноморце», через которых передавались посылочки в блокадный Ткуарчал (уверяю, что так, как пьют водку боевые летчики, не пьет никто). От них я и узнал о готовящемся наступлении на Сухум, которое оказалось победным. Всю дорогу по пути на работу я думал, как скрыть эту информацию от нашего друга Русика, который был младше нас и лежал дома с травмированной ногой. А нам пора было менять видеоаппаратную на эшерские рубежи...

Подходя к работе, я увидел Астика. Он сидел на ступеньках детсада и курил. Нам даже не надо было ничего говорить друг другу, все было и так ясно. Через час-другой мы, имея уже самое необходимое — оружие, сигареты, сидели на большом камне в районе Замостянки, у обочины дороги, ведущей к Сухуму. Ожидание попутки было недолгим, но еще раньше мы слышали громкую брань Русика, который, ругая нас на чем свет стоит, мчался к нам на стареньком телевизионном УАЗике. Последние дни лета провожали на подвиг сильных Духом людей, незабываемых моих коллег...

Настоящие были люди, настоящее было время...

No COMMENT

Природа взаимоотношений между людьми извращена хитрыми проделками разума. В обойме общения представлены боезапасы разного калибра: взгляды, жесты, слова, мимика. Всё лишь ради того, чтобы принять или не принять мысль, изложенную собеседником. Чтобы донести свою мысль, используется то же самое. Дуэль без правил и секундантов. Как цель общения — достижение консенсуса. Впрочем, современники уже забыли конечную цель, застряли на самом процессе применения оружия.

Время абсолютного разоружения в общении людей, к сожалению, осталось далеко за горизонтом, а значит, нет целостности решений, нет четко обозначенных границ существования этнической группы. Государственность — не самая сильная защитная капсула, если под ней кризис и хаос интересов определен как форма бытия. Когда нет права на ошибку, бег на месте — уже ошибка.

Ветер перемен всегда начинается с легкого дуновения Надежды. Самое музыкальное, как минимум, что может дать такой ветер, это завывание в печной трубе. Мир полон ценителей и такой музыки тоже, и она будет кем-то востребована, пока не придёт музыкант, который обуздает ветер перемен и вселит в него разум ДУХового инструмента. А пока что люди буду стрелять друг в друга взглядами, жестами, словами, мимикой...

ИЗБРАННЫЙ

Когда охотник, собираясь в горы, выходит из дома, то старается сделать это еще затемно, и желательно окольными путями, чтобы не встретить по дороге никого из людей. В былые времена охотники старались не разговаривать во время своего пути, а если в горах было несколько охотников, то они говорили между собой на своём особом языке, который понимали только те, кто был обласкан добротой Ажвепшаа (Бог охоты).

О чём мог думать абхаз, готовивший для охоты снаряжение? Какие мысли возникали у него, пока отливалась из свинца пуля? Какие обеты и кому давал себе тот, кто отправлял цилиндр свинца в материнскую утробу патрона? Чей свободный полёт будет прерван силой вылетающей из ружья пули? Что есть Свобода? Тур, покоряющий вершины гор, свободен настолько, что ни одна человеческая рука не может притронуться к его рогам, пока он жив. Охотник свободен настолько, что может поставить границу между жизнью и смертью горного тура.

МОЛЧАНИЕ МУДРОСТИ

Огромная каменная чаша заслонила собою солнце. В сильных натруженных ладонях она казалась мизерным блюдцем. Наполненная по самые края, она возносилась над миром, созданным Им. Где-то внизу почти незаметные, крохотные людишки жили своей обыденной жизнью — смеялись, плакали, заботились друг о друге, добывали себе пищу, рожали и воспитывали детей. Мир был в них. Не было звуков, кроме тех, которые громом, дождем и ветром обрушивались с небес. Никто еще не знал, как прекрасна песнь, как чудесны слова, обращенные к детям. Он опустошил чашу.

«Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Зерна слов посыпались на людей с небес, словно дождь. Мать смогла пропеть колыбельную своей дочери, отец наставлял сына перед тем, как покидал родной очаг. Люди говорили на разных языках, зачастую не понимая друг друга, их уста улыбались, недоверие и зло отступали. Ночь накапливала мысли, заключая их в невысказанные слова. День начинался с песни и заканчивался ею. Род человеческий обрел язык.

Разность языков определила первые границы между людьми. Разность языков породила первые конфликты. Горе шептало слова сквозь слезы, боль стонала, мир стал жестоким и беспощадным.

Всевышний, давший чадам своим разум и язык, невольно обрек их на распри и раздор. Слово стало причиной бед. Мудрость, заключенная лишь в некоторых старцах, обрекала себя на молчание. Истина не терпит многословия.

ШЕЛКОПРЯД

Дерево — дом, в котором тепло и сухо, огромный сухой ствол, поверженный временем. Где-то наверху, в недоступном пока для него небе, разыгрался дождь. Шум, порождаемый им, проникает в глубину высохшего многолетнего ствола, когда-то давно бывшего прекрасным тутовым деревом. Далекие предки маленького червячка поедали его зеленые листья, и если прислушаться, то шум, издаваемый ими, был очень похож на шум дождя, который вносит уют в теплоту кокона.

Странность Божьего промысла, безотходная нужность создания подобной твари как шелковичный червь. Вся эволюция мироздания заключена в нем. Яйца шелкопряда, пролежав всю зиму, весной, с появлением первых почек на тутовом дереве, начинают оживать, и в них развиваются гусеницы...

Господь создал Землю за неделю, такое же время отведено жизни шелкопряда. Человек живет несколько десятков лет. Маленькая гусеница за все время своего существования отдает людям до тысяч метров прекрасной шелковой нити. Рай не ко всем приходит после окончания земной жизни. Рай червячка — небо, он достигает его, становясь бабочкой. Рай для человека наступает лишь после смерти.

Старое тутовое дерево не умирает, оно дарит людям песнь без слов, песнь, в которой есть и жизнь, и смерть.

Старое тутовое дерево зачало в себе дудук, который поведаст нам о том, кто в этом мире Господь. Кто червь, а кто человек и за кем из них тянется нить?

КРОВЬ

Жесткие рамки правил определяют функциональность действий — как людей, так и организаций. Послевоенная реальность определила множество направлений нашего существования в границах довольно-таки небольшого государства. Был нарушен баланс между моралью и аморальным поведением. Бог всем судья. Как через сито просеивают муку, так и деяния наши проскальзывают в ячейки Высшего Суда, крупное остается, мелкое исчезает. «Милосердие» — забытое сегодня слово. По долгу службы, уже после войны, я поехал в столичный интернат для детей. Оставшиеся без отцов семьи, тысячи трагедий — никем и никогда не будет осознана глубина человеческой боли. Сидя в машине прямо напротив входа в интернатовскую столовую, я наблюдал, как шумная стайка детишек бежала на обед. Какое-то не объяснимое для меня разделение на два потока распределяло детишек в разные двери. Надолго там никто не задерживался, отсюда я сделал вывод, что обеденный стол не был усыпан яствами. Впрочем, государство делало все, что было в его силах. В отличие от людей совесть государства работала на всю свою мощь.

Вскоре из столовой вышла девочка лет десяти, в некажистом платьице. Не вытаскивая рук из карманов, она смущенно поздоровалась со мной на абхазском языке. Она стояла, явно ожидая кого-то. Младшая группа детей обедала в другом помещении. Сопровождаемые воспитательницей, ребяташки через какое-то время появились в дверном проеме. Глаза моей маленькой незнакомки оживились, и в приближающейся группе ее встретили такие же черные бусинки глаз. Коротко стриженный мальчуган, радостно улыбаясь,

подбежал к сестре. Брат и сестра — они были узнаваемы издалека, огонь одной любви горел в их глазах. Окружающий мир для них уже не существовал. Для мальчика была лишь старшая сестра, которая достала из карманов своего платья хлебные горбушки и вложила их в маленькие ладошки младшего брата.

Мир внутри меня раскололся. Война каждый день придавливала новым горем, но оказалось, что послевоенные испытания на человечность не менее тяжелы.

Если нашу жизнь сравнить с часовым механизмом, то возникает ощущение, что в нем что-то сломалось, и трудно найти того Мастера, который исправит ход стрелок.

Каждый миг, каждый день, каждый год надо возвращаться в своей памяти к этим детям, чьи отцы дали нам право на жизнь. Эта благодарная память, а с ней и любовь могут остановить на себе взгляд Творца. Только такая любовь имеет право жить в сердце.

26.10.92.

Свет, ослепительно белый, манящий к себе свет в закрытых глазах. Проваливаясь в темноту, взгляд зацепился за лучик этого света. Тоненький, словно нить, вибрирующий от напряжения утекающей жизни. Не дай же упасть в пропасть! Манящий, дарующий силу и надежду, теплый свет.

Сознание вытекало, как вода из разбитого кувшина. Зрение уходило медленно и безболезненно, умирать было нестрашно. Медленная в своей поступи смерть делала все для того, чтобы ее присутствие было необходимым.

Утро, его последнее утро в жизни... Оно звучало чужими голосами, языком врага. Оно приближалось, сокращая время между жизнью и смертью. Палец закован в кольцо, последние силы сконцентрировались на холодном металле. Рывок кольца, миг... и свет, который совсем недавно был лишь в воспаленном сознании, оглушительным взрывом соединился с солнечным лучом. Настал новый осенний день на планете, где уже на одного Человека стало меньше.

ПРО ЛЮБОВЬ

«Я люблю людей. Природы не люблю...»

(ДАУР ЗАНТАРИЯ. «КОНФЕТНОЕ ДЕРЕВО»)

И я люблю людей, и Даур любил людей. Любил, потому и писал про них, за них писал, за меня, за всех тех, кто читает его произведения. Даур писал для тех, в ком открывался смысл написанного им. Сложно признаваться в любви к людям, порой даже незнакомым, отдавать свое признание Времени. Человек уйдет, забудутся черты его лица, его шутки, характер, а вот признание в любви останется. Абхаз не должен показывать своих чувств. Нельзя открываться, это сродни тому, что ты, обезоруженный, сдаешься на милость врагу. Где она, милость? Признаться в любви — признаться в собственной слабости.

А я все-таки люблю людей. Какие же они все разные, неповторимые в своем несовершенстве: кто-то злой, кто-то добрый, сильный и слабый, хитрый и простодушный. Люди, как деревья, тянутся к солнцу, прорастают корнями, создают семьи, плодят детей, либо одиноко ловят ветер посреди кукурузного поля. Много людей — лес.

А еще я люблю смотреть на актеров в театре во время спектакля. Наверное, только я один вижу, как, стоя за кулисами, они готовятся к своему выходу на сцену, вижу волшебство превращения Человека в Образ. Глаза, следящие за действием на сцене, переживающие за партнера, пальцы нервно переплетены, все тело натянуто, как струна. Сцена — плаха душевной казни, откровение. Роднит людей общее действие, сближает, связывает чувствами, переживаниями. Ведь это только для зрителя спектакль — игра. Спектакль — это несколько жизней, прожитых за два часа. Люди не повторяются. Деревья сохнут от старости. Остается лишь любовь, невысказанная Поэтом, спрятанная за словом, невидимая, но самая настоящая Любовь.

УСТАЛОСТЬ

Зима. Ночь. В блиндаже сыро и холодно, керосин в лампе закончился еще на прошлой неделе. Земляной пол хлопает под ногами растаявшим снегом. Солдатский ужин — тушенка на кончике штык-ножа, амгял¹, кто-то раздобыл аджику. Молчаливый пир живых и уставших мужчин. Там, где должна быть дверь, — проем, занавешенный плащ-палаткой. Тот, кто вошел, приоткрыл на миг звездное небо. Луч фонаря осветил обросшее щетиной лицо. Все на миг подняли глаза, приветствуя вошедшего взглядом. Молодой паренек, сидевший рядом со всеми, воспользовавшись мелькнувшим светом, взглянул на стол — и ужаснулся: черви копошились в банке с тушенкой. Резким ударом ладони он сбросил банку на пол. Кто-то из темноты крикнул: «Выключи фонарь!» Трапеза продолжилась.

¹ Амгял — кукурузная лепешка.

БЛАГО-ДАР

Небо, я задержался у тебя в гостях. Витая в дневных облаках, я рассказывал тебе про свою жизнь, и ты готово было внимательно меня выслушать, словно я для тебя был незнакомцем. Мои бессвязные воспоминания о прожитых годах для тебя были так интересны, будто ты само не принимало участия в них. Я делился с твоими звездами, рассказывал им про свою первую боль, щемящую душу, словно песнь дудука. Сколько времени ты уделило мне, небо, выслушивая, как я ругаю палящее солнце. Ты терпеливо ожидало окончания моих жалоб на холод осеннего ливня. Небо, ты смотрело на меня из окна дедовского дома, в котором, уютно расположившись у камина, я смотрел на твои тучи, окружавшие плотным кольцом старый сад. А помнишь, как сидя на подоконнике, я следил за раскачивающимся тополем?

Моя няня, баба Катя, пела мне сказки на забытом уже для всех старорусском языке. А помнишь, как эта доброй души старушка вышивала картины крестиком и, не поднимая головы, читала мне «Отче наш». А я, еще несмышленный мальчуган, не понимал важности происходящего. Это было первое мое соприкосновение с Богом.

Небо, я твой незваный гость, сколько вопросов я задал тебе за всю свою жизнь! Ты устало искать мой взгляд в миллиардах глаз, взирающих на тебя. В любой нужный для меня миг я обращался к тебе, и ты всегда окружало меня своим теплом и пониманием. Ты всегда понимало меня, небо. Только тебе я доверю свою любовь. Небо, благодарю тебя за то, что ты живешь в моих глазах.

ОТРАЖЕНИЕ

Несчастное существо — человек. Несчастное потому, что все время в поиске. Жизненный путь твой растворился в многочисленных тропинках дороги, которые ты придумал себе сам. Ты ищешь истину, другой ищет любовь, кто-то растратил все свои годы на то, чтобы копить богатство. Надуманные цели, не дающие возможности сосредоточиться на главном, на самом процессе жизни, общении с себе подобными.

Гроб не имеет карманов, в нем ничего не утаишь, не возьмешь с собой. Далекie предки говорили: «В жизни самое ценное — общение». Сократили до минимума диалоги, сжали до невозможного улыбку на губах, убили ее же в собственных глазах. Редкость — встретить незнакомца, излучающего добро, бескорыстное и безадресное, добро для всех, и в особенности для тех, кого встретишь на своем пути лишь один раз в жизни.

Разучились улыбаться просто при встрече. Желать путнику добра уже никто не хочет. Об этом забыли.

Разучились плакать. Кто сможет научить этому потомков? Как преподавать уроки чувств? Как объяснить, что день наполнен лишь солнцем и людьми? Даже когда ты их не видишь, есть лишь они, все остальное прилагается. Кто расскажет людям про свое ночное откровение, про диалог с самим собой. Когда уходит солнце, когда уходят все люди, только тогда самому себе доверяешься откровением.

Человек перестал жить, он стал искать и, конечно же, потерял смысл того, чего ищет. Ищем то, что живет в нас. Ищем потому, что забыли себя самих. Несчастливы потому, что не видим счастья.

СОБЕСЕДНИК

Когда же ты умолкнешь? Когда же я смогу насладиться тишиной? Надоели эти бессмысленные диалоги, споры, это чувство тревожного ожидания надвигающейся беды.

Мой внутренний голос, оркестр моего внутреннего мира — то сольно играет заунывная скрипка, то грохочут звонкие литавры. Тишины нет. Нет спокойствия и умиротворенности. Возбудитель бессонницы, что тебе надо от меня? Я не смогу остановить мир, падающий в бездну хамства и ограниченности. Не надо будоражить меня лозунгами о надвигающейся катастрофе, предупреждая об агрессии всеобщей безграмотности и дилетантства.

Я устал спорить с тобой. Слушать устал и соглашаться с тобой устал. Пусть все идет так, как идет, пусть люди возвеличат собственный желудок в ранг божества, пусть всю свою жизнь посвятят тому, чтобы насытить свои глаза.

А ты, мой вечный собеседник, научись молчать, научи молчанию и меня, давай помолчим вместе. Будем молча наслаждаться прекрасной безбрежностью неба и моря. Почувствуем себя жемчужиной, расположенной меж этими плоскостями. Научимся впускать в себя красоту Божьего творения.

Мой внутренний голос, подари мне тишину. Давай выйдем из этого боя! Надо принять мир. Пора.

ОСВЯЩЕННАЯ ЯВЬ

В тишине этой дождливой ночи раздавался протяжный, тоскливый и непомерно длинный звук. Словно стальной прут, он входил в тело, именно в тело, не в уши, не в сознание, он входил в плоть. Боли не было совсем, для нее в теле не было места.

Любовь была плащом этого звука, он укутался в нее и заполнил всего меня. Звук, издаваемый флейтой в руках Апшьаны, рождал мелодию. Губы лепили ее, неумело, стеснительно, натужно, с невероятным усердием. Воздух, окружающий нас всех, превращался в нить звука, словно шерстяная пряжа, вытягиваемая из веретена. Ночь, пронзенная флейтой, мягко опустилась на детскую кроватку. Ямочки на щечках девочки надулись от усердия. Мир перестал существовать, он собрался в хрустальную каплю на кончике ресниц. Дышал, подрагивая, рискуя сорваться слезой. Мир неизмеримого богатства, которое дарят нам дети. Звук вытеснил из души все второстепенное, изгнал все спорные мелочи, собрал в кучу, словно осколки разбитого зеркала, и выбросил на свалку прошедшего дня. Все это длилось считанные минуты, но они были такие длинные и существенные, эти минуты, что сразу же стало ясно — это на всю жизнь.

ВЛАДИМИР

Памяти поэта В. Ахьиба

Он не прятал свои руки под столом. Мозолистые, покрытые трещинками, несмываемая чернота паутиной покрывала натруженные ладони, словно татуировка. Мы беседовали, неспешно попивая кофе, меняя тему для разговора на очередную чашку густого бодрящего напитка. Время смешивалось с сигаретным дымом и, поднимаясь сизым облачком, безвозвратно исчезало в промозглом закате дня.

Он слушал глазами, вбирая в себя взглядом мысль, издаваемую мною. Говорили мы о том, можно ли накинуть одежду на Истину и выпустить ее в мир? Правду не прячут под столом, ее не передают тайно, зашифровывая в формулы слов.

Я разговаривал с поэтом, который всю свою жизнь прожил в деревне, иногда, правда, он появлялся ненадолго и в городе. Он жил в гармонии со своим внутренним миром, спорно контактируя с внешним. Мне он напоминал огромную взъерошенную птицу, постоянно рыскающую острым взглядом в поисках мелких крошек вдохновения.

К кофе прилагалась бутылочка огненной чачи, столь необходимой в дождливый зимний день. Одноногий стол, словно цапля посреди болота, приютил нас в пустом зале переговорного пункта. Сквозь грязные стекла высотой в человеческий рост был виден перекресток, четыре угла которого пересекались полустертыми белыми полосами пешеходных линий. Немногочисленный людской поток быстро передвигался по ним, словно по клавишам асфальтного рояля.

«Так и вся жизнь, — задумчиво произнес Поэт, — черная и белая полосы». У меня есть всего один сборник его стихов, изданный уже после его смерти. Его белая полоса. Он владел своим миром.

ВСПОМИНАЯ ЛЕТО

Облака похожи на лица людей, словно толпа незнакомцев, проплывающая над головой. Когда лежишь на берегу моря и сквозь синеву небес, режущую глаза сверкающей чистотой, смотришь на облака, хочется чтобы жизнь не останавливалась никогда. Лица, проплывающие в небе, улыбаются только тебе. Огромные и словно ватные глаза смотрят на тебя с улыбкой. Строгость двух цветов — синего и белого — время от времени прерывается черными вкраплениями стремительно пролетающих ласточек. Головокружение — как следствие остановки времени, солнечные лучи пронизывают тело лучами-стрелами, легкий шум морской волны прерывается детскими возгласами. Прибрежная галька приятно жжет спину.

Кажется, именно в такие моменты осознаешь, насколько ты — Человек — есть часть всего того, что именуется природой. Добровольно отреченные, поверив в собственный разум как в качественно отличающий фактор, люди ушли от колыбели природного натурализма.

По образу и подобию созданные, изменили первоначальный облик до неузнаваемости, настолько, что все живое в мире уже воспринимает человека лишь как врага. Отторжение людей, как следствие сомнительного разума, является процессом самоочищения природы. Лишь небо еще принимает нас, пока мы живы. Небо верит нам, верит в нас, и мы ищем спасения в нем, обращаясь к Богу не иначе как Всевышний — всех выше. Застрявшие во времени, заблудшие в собственном благоустройстве, лишившие себя свободного полета. Облака — словно лица, сопровождающие Всевышнего в Его путешествии по нашим душам. Земля держит наши тела, небеса принимают лишь души избранных. Жизнь, возможность гармоничного сосуществования души и тела — эквивалент на наличие разума.

Глаза, поднятые к куполу, вопрошали:

— Где твоя улыбка, Господь? В лице твоём не вижу доброго смеха.

— Я отдал свой смех людям. Радость свою оставил на Земле, пусть ею насытятся дети.

— Доброта есть одеяние души твоей, доброта немислима без улыбки, озари нас ею, Господь.

— Не на устах живет мой смех, в глазах моих колыбель доброты. Встречаясь взглядом с тобой, Человек, я отдаю всю доброту души своей, и доброта моя станет твоим оружием против Зла.

— Спаситель, где ты прячешь боль свою, как скрываешь страдания свои?

— Боли нет, и нет страданий в тех, кто полон Любви. Любовь — тропа к Свободе.

— Всевышний, как не обмануться в людях, если и тебя предали?

— Обман не в чьем-то предательстве, он в собственном неверии. Слабость Веры расшатывает Дух в Человеке, не сомневайся в Вере своей — и не будет предательства.

— Как узнаю я, что душа моя в руках Господа, ждет суда его?

— Не испытывай страх, Господь живет и в твоих глазах.

УСЛОВНОСТЬ РАЗМЕРОВ

Тоненькие, хрупкие, как нити паутины, лапки муравья легко несли собственное тело, поднимая его по стволу пробкового дерева. Старый и изрядно поредевший парк границами своими упирался в море. Мир огромных размеров упал в хрустальные глаза муравья, который упорно покорял высоту разлапистого исполина. Где-то далеко наверху, на самой макушке пробкового дерева, солнце присело отдохнуть, забросав свои лучи на опавшие листья осеннего парка.

ТВОРЕНИЕ

Жизнь — книга, в которой, словно из кирпичиков букв, сложен Храм. Слово — Храм, мы создаем и разрушаем Храмы, словом своим мы приближаемся к Всевышнему. Падаем в пропасть тоже словом. Он основал все на любви: сотворил, творил. Он — Художник и Поэт, ибо писал. Все творчество основано на любви, на такой же любви, за которую Он отдал сына своего.

Тысячелетия цивилизации дали миру немало художников, музыкантов, поэтов, людей, продолжавших идти по стезе Творца. Именно такие люди и есть продолжение Его любви.

История человечества — словно тяжеленная книга, страницы которой не под силу перевернуть одному человеку, даже самому гениальному и сильному. Чтобы познать смысл написанного в этой книге, надо самому вписать в нее жизнь целого этноса. Вписать слово буквами собственного исторического развития.

На самом деле нас не ждет Высший Суд, ибо время не умирает вместе с нами и оно не видоизменяется, как тело человека. Наш Суд всегда с нами, на каждом этапе нашего земного и внеземного существования. Время — это субстанция, которую никогда нельзя объять снаружи, только потому, что жить можно лишь живя в самом Времени.

Мы живем, и именно так, как живем сейчас, сию минуту, секунду. Именно это и есть жизнь, именно это и есть творение по Образу и Подобию. Именно в нас всех живет Бог. Задача лишь в том, чтобы сберечь Его в себе.

УТОПИЯ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ

Мы и мир, окружающий нас, собеседники и разговоры между нами в формате монологов. Сон окончательно уходит, когда глаза уже открыты, а ты еще не встал с постели, но уже различаешь все шумы за окном. Действительность медленно входит и в мое сознание, и в новый день, который уже расправил крылья солнечных лучей. Мир миров, закрытый от меня кнопкой включения телевизора, ноутбука, телефона, радиоприемника. Люди, живущие в параллельной реальности, замерли, предвкушая встречу со мной.

Сегодня все миры будут закрыты. Все, кроме самого главного. Если идти навстречу полуденному солнцу, никуда не сворачивая, через полчаса будешь стоять у моря. Необъятность пространства измеряется глазами, ощущается криками высоко летающих чаек. Бесплезность и мелочность людской суеты — это как мелкие камешки у самого края моря, кажущиеся песком, а на самом деле всего лишь осколки раздробленного берега.

День выпит мной, как чашка ароматного и тягучего кофе. Когда-нибудь кто-то увидит оставшуюся на дне кофейную гущу. Этот кто-то решит погадать на остатках моего дня или втиранием пальца в доньшко чашки откроет сердце, или, скорее всего, просто затушит сигаретный окуроч, впечатав его в коричневую смесь первого февральского вечера.

Мир тоже откажется от меня, так же как и я отказался от него сегодня. Здесь нет победителей и проигравших, отказ —

лишь освобождение от разочарований, ждущих меня в будущем. Пройдут часы, и теплым не по-зимнему вечером мы вновь увидимся в прибрежном кафе, улыбнемся друг другу и как ни в чем не бывало погрузимся в море своих воспоминаний.

Включим мир одним касанием кнопки PLAY, отдадим свое сознание тем, кто потребляет часы и годы нашей жизни. Забыт мир книжных листов, которые лежат друг на друге, ожидая нашего вмешательства. Забыт потому, что молчаливые диалоги чтения книг уже не удовлетворяют нашего эго.

ЯВЬ

Когда уходишь далеко и надолго, то дверью входной не стучишь — ее прикрываешь за собой очень тихо. Не разбудить бы никого, не спугнуть предрассветную тишину, выйти из дома незаметно, чтобы даже дворовая собака не проворчала свое сонное напутствие негромким лаем и вилянием хвоста. Горсть орехов в кармане — перебираешь их пальцами, словно играя четками. Хорошо, когда нет особой цели в пути, просто сесть в авто, выкурить одну за другой пару сигарет, пока прогревается двигатель, медленно выехать со двора и поехать туда, откуда ты родом, туда, где осталось твоё детство. Город, который вырос в горах, который вырастил несколько поколений, выпустил их в мир и забыл об их существовании. Город-призрак, он всегда будет рад неожиданной встрече со мной, примет своей тишиной. Удивится улыбкой друга детства, лицо которого уже почти стерто в моей памяти. Он не задаст никаких вопросов, радостно разведет руками и обхватит в крепком мужском объятии, поставит стакан крепкого чая на подоконник, приглашая смотреть на опустевшие улицы, на разрушенную временем школу, на заросшую травой детскую площадку.

Воспоминания наполнятся звуками, доносящимися из глубины годов. В них не будет печали и горя, усталости и разочарования. Веселый и беззаботный фейерверк детского смеха. Горы стали дальше от нас, реки обмельчали, а деревья уже не кажутся исполинами, касающимися неба. Воспоминания — словно поредевший взвод солдат после ожесточенного боя, солдат, которые уже никогда не вернуться. Самое страшное — когда воспоминания покидают нас. Память уходит тихо, не хлопает дверью, не будит нас прощальным поцелуем. Память уходит безвозвратно, навсегда. Оставляя после себя лишь горсть орехов на подоконнике уже нежилого дома.

НОША

Дорога извивалась, повторяя собою все изгибы реки. Дорога тоже была рекой — черной, горячей асфальтовой рекой. Годы, прожитые людьми, словно непокорные рыбы битумной реки, плыли когда-то в оба её конца.

Полдень. Солнце зависло над головой путника, словно кроме них в этом мире не было больше никого, они были продолжением друг друга — Человек и Светило. Он, шевеля пересохшими губами, словно читая молитву, разговаривал с Солнцем, и оно, в свою очередь, терпеливо выслушивало его. Человек рассказывал Солнцу о своей войне, от которой он уходил по широкой, черной тропе, разделенной прерывистой белой полосой. Когда-то эта река была автострадой.

Уходя от войны, не всегда приходишь к миру, отвечало ему Солнце. Самая страшная война — именно та, где по обе стороны фронта говорят на одном и том же языке, где не наступит даже минутной тишины, война, в которой уже никто из воюющих не хочет победить, все боятся лишь проиграть. В такой войне нет стремления к свободе, в ней лишь убийство.

Уставший от жизни путник еле передвигал ногами, увязая в расплавленной смоле. Он взвалил Солнце на свои плечи и понес его.

В этом мире не осталось никого, кроме них. Когда устанет Человек, Солнце понесет его на своих плечах. Кто-то один из них все равно дойдет до края войны.

ПРОЙДЕННОЕ

Он окликнул меня. Где-то в пустоте, оставшейся за мной, в тумане, который я прошел неторопливыми шагами, раздался голос. Дождливая набережная — словно длинный коридор между морем и городом. Было не просто безлюдно — было пусто. Откуда он взялся, этот уверенный и негромкий голос? Он звал меня.

Часто слышу его, окликающего меня по имени, а потом молчание, тревожное и полное переживаний. Пустота, которая пройдена мною, зовет меня по имени.

Неважно — день или ночь, сон или явь, всегда присутствует неприятное ощущение того, что кто-то за моей спиной готовится окликнуть, позвать. Тени нашего сознания не растворяются во Времени, они преследуют нас, словно безликое отражение прошлого. Словно часовой, стоит незнакомец, у которого вместо глаз бездонные ямы. В них провалился мой вопрос — кто ты? Холодно...

МОРСКАЯ ЛЮБОВЬ

Каждое утро она приходила к морю — словно река, впадающая в залив, в том месте, где разрушенный лодочный причал. Она окрашивала соленую воду моря своей пресной чистотой. В ней многое было от воды — походка величественная и плавная, словно гордое течение горной реки, волосы — словно струя водопада. Она приближалась к морю, и оно ждало ее. Это было свидание, к которому они шли целую ночь. Губы ее едва заметно шептали очередное откровение, и только ленивые, тягучие волны, лижущие ржавые сваи причала, были посвящены тайнам этой любви. Ее глаза были частью утреннего неба, так же чисты утренней голубизной, так же глубоки и бездонны, словно никогда не приближающийся к людям горизонт. Брови, словно изогнутые крылья чаек, несли ее взгляд над бесконечной синевою небес.

Когда-то давно люди называли его Морем Приветливым — до того времени, пока сами не попали в бурю, после чего оно стало неприветливым. Когда она перестала по утрам приходить к морю, оно стало Черным.

ПРИЗНАНИЕ

Единственное из того, что сказала мама и что врезалось в мое сознание, было: «Не иди навстречу пуле». По соседству были поминки. В мою обязанность входило приносить вино из погреба и разливать его по графинам, расставляя их на поминальном столе. Весть о том, что началась война, застала меня именно за этим занятием. Мама лежала больная дома, не могла вставать. Чтобы не обнаружить себя, я пробрался в свою комнату через окно. Охотничья двустволка и забитый жаканами патронташ. Мне казалось, что я все проделал тихо и бесшумно. Низко пригибаясь под окнами, дабы не быть обнаруженным, я пробирался по отцовскому двору. Услышал вслед: «Не иди навстречу пуле».

Первая ночь моей войны была очень душной, очень мирной, звездной, как и положено августовской ночи. Страх появился тогда, когда выстрелы танков разорвали тишину своим смертоносным шумом. Нас было пятеро: два офицера Абхазской гвардии, которые уже прошли свой первый бой, двое опытных охотников и я, самый юный среди всех, не имеющий никакого опыта стрельбы, кроме охоты на дроздиков. Стыдно было признаться кому-то, что страх овладел мною. Нам поставили задачу заминировать дорогу, ведущую к городу, и прикрывать возможный прорыв пехоты, которая могла идти за танками. Сегодня многое из того времени кажется несерьезным и комичным, но тогда все было настолько реально, что страх и душевные переживания комом подступали к горлу и не хватало дыхания. Летняя духота облепила меня всего, сковала тело и душу. Помог мне сосед, опытный и молчаливый охотник Иазбеи (светлая память). Он сразу оценил ситуацию, подозвал меня к себе, дотронулся своей сухой и теплой ладонью моего плеча

и сказал: «Поспи, постарайся заснуть хоть на десять минут». Слабость душевная и переживания окутали меня глубоким сном, я словно провалился в бездонный колодец времени. Не знаю, сколько проспал, но когда открыл глаза, все стало на свои места. Реальность стала казаться преодолимой, появилась вера в самого себя. Много чего было пережито за последующий год с небольшим, но ту первую ночь войны не забыть никогда, я словно стал другим, все лишнее осталось в прошлом, в довоенном, счастливом прошлом.

Господь уберег меня. Слова матери, сказанные мне на прощание, дошли до небес, Он не поставил меня поперек полета пули. Сила материнских слов — молитва.

Шип

Никто не видел, когда был вбит этот гвоздь. Никто не знает, чьи руки сжали молоток и с размаху, одним ударом вогнали острый, как шип, кусок железа в мягкую плоть. С того момента прошло много лет, многое забылось, стерлось из памяти, словно под движениями ластика исчезла серая струйка графитовой реки.

Сегодня этой руке понадобилось вытащить гвоздь наружу, он медленно выползает, разрывая собою сросшиеся ткани. Боли нет, нет страха, жизнь вытекает из тела, словно мед, просачивающийся меж стенок дубового бочонка. Тягучая и сладкая жизнь. Помню, как в детстве, спустившись в погреб, увидел подобную картину. Я не знал, что мед такой текучий. Сквозь миллиметровую щель медовая масса может вся высвободиться наружу. Там, где гвоздь сросся с сердцем, ржавчины не было, железо блестело, словно снег на горной вершине. Шип стальной сверкал, как соколиный глаз, рыскающий в поисках жертвы, совмещающая в небе свободу полета и жажду смерти.

Хозяйские руки такое добро не выбросят, этот гвоздь со временем найдет себе новый дом. Новое сердце.

КРЕСТ ЛЕТ

Я хочу видеть старость, видеть морщины, хочу видеть обессиленное тело, приютившееся на скамье у моря. Дрожащие кисти рук, сморщенная кожа, выцветшие от времени волосы. Раньше при виде стариков в глаза бросалось благородство их возраста, мудрость их взгляда покоряла своим благодушием. Они были красивы в своих прожитых годах. Сегодня, за редким исключением, люди не доживают до глубокой старости, не доходят до красоты преклонных лет. Молодость зачастую прячется за маской красоты, ее обман в том, что она привлекает мнимым совершенством. Молодые годы — как маска, они скрывают душевные пороки. Тщательность этого сокрытия сегодня все больше ослабевает, стали видны пороки и у юности. Старая, человек все труднее прячет в себе то, что когда-то было известно лишь ему одному.

Это — как правило. Но у любого правила есть исключения — крестьяне и священнослужители. Одни проводят свою жизнь в общении с землей, другие идут по пути духовных бесед и учений. Воздействие лет откладывает отпечаток образа на внешнюю составляющую человека. Долгожитие стирает национальные черты. Всевышний возвращает этих счастливых на исходную позицию, они становятся больше младенцами, чем стариками. Мудрыми младенцами.

МАГАЗИН «БУКИНИСТ»

Огромная входная дверь была из толстого цельного стекла. Покрытая дорожной пылью, разбрасываемой проезжающими автомобилями, в течение рабочего дня она открывалась довольно редко. Забытый многими моими современниками мир книг встречается запахом отсыревшей бумаги и полиграфической краски. Пожилая продавщица лениво и сонно изучала очередные новости, вытекающие из говорливого телеящика. Диктор упорно пыталась заразить безучастную ко всему происходящему женщину оптимизмом новостей, сообщая об очередной смене правительства в стране.

Отвлечшись на скрип двери, продавщица посмотрела на меня затуманенным взглядом, проползшим поверх толстенных очков. Мимолетный ее интерес ко мне улетучился сразу после того, как я прошел мимо прилавка с красочно оформленными фолиантами новеньких дорогих изданий. Подобно альпинисту, медленно карабкающемуся на вершину горы, мои глаза изучали томики стареньких книг. Многолетняя потертость и пятна выцветших обложек, некогда ярких, возвращали меня в мир моего детства.

Оброненные мною слова были подняты продавщицей, и между нами завязался диалог. Хранительница литературного храма оказалась довольно приветливой и добродушной женщиной. Оплакав вместе с ней погасший интерес людей к печатному слову, я откопал среди груды книг «Сказки и мифы Океании» и, радостно ухватившись за них, как за крепкую нить, связывающую меня с приятными воспоминаниями, пошел к выходу. Массивное стекло входной две-

ри, словно старинное зеркало, отражало большие стеллажи, заставленные одноцветными томами подписной литературы, и неровные горки хаотично сложенных на полу почти истлевших книг. Томики разных размеров и одинаково забытых всеми авторов, казалось, встрепенулись своими пожелтевшими страницами, провожая меня в мир шумного и пыльного города.

ЗАМЕТКА

Лист бумаги — бесконечно длинная пустота белого цвета. Пустыня, в которую проваливается взгляд, в ней теряешь всего себя. Попытка зацепиться сознанием за что-то несомое никак не увенчается успехом. Обманывая себя надеждой, сталкиваешься очередной раз лишь с пустотой. Слова — ступени лестницы, ведущие к очередному обману.

Сотни тысяч шагов, сделанных в разные стороны, внушают ложное чувство превосходства над расстоянием и объемом. Пустыня раскатана на столе, как тесто белого бумажного листа.

ИЛЛЮЗИОН

Послевоенная реальность почему-то вспоминается в черно-белых акцентах на фоне серой картинке, словно старая и хрупкая киноплёнка. Без малого четверть века прошло с того времени, воспоминания так же прерывисты, как кадры, которые наспех склеены киномехаником в сыром и холодном синематографе. Полупустой зал, где расположились редко тогда встречающиеся цыгане и бывшие бойцы. Молодые по возрасту и так рано постаревшие, мы собирались, застигнутые дождем, в тесном и прокуренном зале турецкой чайной. Клокочущие на не знакомом нам языке и громко щелкающие костяшками домино, сегодняшние наши соотечественники из числа репатриантов были ветеранами той же войны, из которой мы все вышли опустошенными пессимистами.

Бессвязность диалогов прерывалась короткими и глубокими затяжками крепких и дешевых сигарет местного производства. Одиночество заполнялось тяжестью «Свинцового дирижабля», звучащего настолько громко, что раскаты грома в весеннем небе воспринимались как ритм-соло ударных установок. Хемингуэй становился все ближе и понятней. Удовлетворение определенной дозой адреналина мы находили в бесцельных ночных гонках на авто. Алкоголь и ганаша наполняли собою иссохший колодец иллюзий, который в итоге выплеснулся через край. Смерть в разных своих проявлениях питалась представителями «потерянного поколения». Череда автокатастроф и суицида основательно опустошила ряды так и несостоявшейся молодости.

СМС-ДИАЛОГ

- Куда ты несишься?
- В никуда.
- Замечательный пункт назначения.
- Да, там всегда есть свободные места.
- Если будешь раньше времени стремиться в никуда, однажды и для тебя найдется место, не опережай время!
- Он есть на самом деле, и Он пытается управлять нами.
- Это ты пытаешься препятствовать, а Он есть, не сомневайся!
- Иногда Он не успевает.
- Он успевает, всегда успевает, вопреки твоему рвению нарушить то, что предназначено Им для тебя.
- Прозрение не всегда рядом.
- Человек прозревает изнутри.
- Если доживет до этого момента...

Я поймал брошенный ею взгляд. Быстрый и скользящий, он рассекал воздух между нами. Застенчивое любопытство, наполнявшее его, столкнулось с моим удивлением. Он пролетел, пронзая струйку пара, поднимающегося над моим кофе, рассекая его и оставляя за собой шлейф интриги.

Её глаза, словно два маленьких солнца, обожгли мое сознание. Мысль, высказываемая мною собеседнику, запуталась и превратилась в беспорядочный набор слов. За соседним столиком в ночном кафе сидело моё смятение.

ВETERAN

Залитая утренним солнцем набережная, казалось, создавала приятное настроение всем сухумчанам, спешащим кто на работу, кто к своей утренней чашке кофе в уютном прибрежном кафе. Привычный для меня каждодневный маршрут в самом начале рабочего дня — от Красного моста до театра. Мне тогда еще не исполнилось и двадцати лет, юнец в возрасте безмятежного оптимизма.

Каждое утро у служебного входа в театр меня встречали два старичка — комендант театра, в прошлом легендарный актер Мамия Баджгович Начкебия, прототип литературного героя одной из повестей М. Лакербай «Лучшая роль», и старенький русский мужичок, служивший в театре вахтером. Они, словно караульные, всегда стояли по обе стороны служебного входа и, подставив себя под ранние лучи солнца, подзаряжались тепловой энергией, излучаемой от светила. Петр Ильич в прошлом, видимо, был военным, это было заметно по его строгой осанке и солдатской выправке. Всегда тщательно выбритый и опрятно одетый, в своем неизменном плаще цвета «серый беж», с газеткой в руках, он легким кивком головы приветствовал меня каждый раз в начале дня. Как-то раз я, присоединившись к их утреннему моциону, обратил внимание на то, что под расстегнутым воротником плаща на лацкане пиджака поблескивал белой мишенью и рубиновой звездой небольшой нагрудный значок. Я попросил Петра Ильича показать мне его. Он любезно согласился, и во всей своей легендарной красе на свет явился «Ворошиловский стрелок РККА». Заметив мою заинтересованность, старый солдат рассказал мне свою историю.

Будучи в звании лейтенанта, Петр Ильич проходил службу в войсках НКВД. Подразделение, вверенное ему, было командировано из Татарстана, откуда он был родом,

в Абхазию. В спешном порядке, но довольно организованно они приступили к выполнению приказа депортировать греческое население, проживавшее на территории Абхазии. Эшелоны с несчастными людьми, в одночасье сорванными с родных земель, покидали обжитые веками места и держали свой трагический путь в степи Казахстана. Воистину кровавые сороковые годы прошлого века несли с собой горе и смерть не только на фронтах Великой Отечественной, но и в, казалось, относительно безопасной Абхазии.

Много чего рассказал мне старый солдат, многое я понимаю уже сегодня, размышляя над тем, сколько смысла было скрыто в маленьком образе красноармейца с винтовкой в руках на фоне алой звезды, которая в свою очередь опирается лучами на мишень. После успешно проведенной «военной операции» Петр Ильич договорился со своим командованием и остался жить в одном из бывших греческих домов, в предгорной деревушке, которая впоследствии прославилась своим питомником, где выращивались розы.

Чайная «У Кукури» в то скромное время была популярна среди студентов. Там все стоило один рубль — булочка с маслом, кусочком соленого сыра и чай, просто булочка или просто чай. Частенько и я там завтракал, сидя в дальнем углу просторного прямоугольного зала под навесом-шатром, и рассматривал фланирующих по набережной прохожих. В один из таких завтраков в почти пустой чайной появился и Петр Ильич. В руках у него была газета «Советская Абхазия». Он взглянул на восседающего за стойкой буфетчика Кукури и, получив от него молчаливое разрешение, направился к пустым столикам, из-за которых уже встали сытые посетители, и стал подбирать недоеденные остатки булочек и сыра, аккуратно собирая сливочное масло с тарелок и наполняя им пластиковую баночку, затем заворачивал всю эту нехитрую снедь в газету. Мне стало как-то не по себе. Он не заметил меня, и я поспешно встал и вышел на улицу.

Как же все-таки неисповедим путь твой, человек!

ТВАРЬ

Несчетное количество Божьих творений наполняет землю. Самое, наверное, интересное и в то же время неприятное — это червь. Он живет везде, во всем, он — начало и конец жизни. Начало потому, что по сути своей гады (они же змеи) — те же самые черви, только больше по размеру. Если век человеческий берет начало от Адама и Евы (а сомневаются в этом лишь атеисты), то первое живое существо, появившееся рядом с ними, был Змий. Червем же и земля растворяет в себе останки тел человеческих после смерти. Осознание этого факта настолько неоспоримо, что одно лишь упоминание об этом вызывает омерзение неизбежности. Если что-либо может испортить совершенство, например, яблоко (сей плод есть эталон жизненной мудрости и первого греха), то это опять же червь. Сохраняя форму и первозданность созревшего плода, он портит его изнутри настолько качественно, что, не подозревая о подвохе, к устам можно поднести не вкусный плод, а лишь его испорченное подобие. Вот только в одном червь бессилен — в силе самопожертвования, проявляется это в тот момент, когда червь встречает на своем пути к пропитанию обычный орех. Прогрызая отверстие в ореховой скорлупе и проваливаясь в богатство почти бесконечного обжорства, этот ползучий монстр обрекает себя на длительное заточение в неприступной крепости орехового ядра. Ни одному из представителей этой хищнической братии еще не удалось освободиться от плена путем прогрызенного им же отверстия для выхода на свет Божий. Именно в плоде орехового дерева начинается и заканчивается гастрономический суицид червя обыкновенного. И дольше века длится день. День червя. Все-таки тварь — от слова «творение».

АКАКАН

Падающий плод орехового дерева, подпрыгивая на твердой, не покрытой травой земле, издавал звук «а-ка-кан¹». Именно так его и называли люди. Исполин, когда-то укрывавший под своими ветвями всадников, словно матрица, символизирующий само мироздание, настолько стар, что не ведет счет прожитым годам. Царское дерево столько всего могло бы рассказать, что ему не хватило бы его же собственных плодов для подсчета всех событий, свершившихся у его ствола, невольным свидетелем которых он был. Уходили в небытие люди, начинались и заканчивались войны, а он все стоял и ронял на землю крепкие свои плоды. Акакан, которому было интересно лишь одно — когда же за ним придет его ореховая смерть. Он ждал мощного ветра, который наконец-то осилит его несокрушимую когда-то крону. Он устал сопротивляться, слишком долго он подпирал небо, слишком долгим было его противостояние. Жить и цвести, рожать каждый год и расставаться со своими плодами, отданными на съедение людям, жить между небом и землей — он устал. Старый орех хотел лишь одного — стать последним пристанищем для воина, уходящего в Вечность.

Сквозь оголенные ветви на опавшую листву мягко упал последний орех. Его последним словом был непривычный для всей долины звук — «акуба»².

¹ Акакан — грецкий орех.

² Акуба — гроб.

НЕСЛУЧАЙНОСТЬ

— Что видно из твоего окна, Отец?

— Лес, темный и полный неизвестности.

— Каждое утро, проснувшись, уже много лет подряд ты смотришь на эти деревья, отец, третий год подряд один из твоих сыновей покидает тебя и навсегда исчезает в этом лесу. Своими знаниями ты питаешь неизвестность, зачем ты делаешь это?

— Каждый из них находит свою тропу, сын, у каждого свой путь. Окна в доме знахаря должны выходить к поляне, богатой целебными травами, из которых он впоследствии сделает снадобья. Пастух видит из своего окна дорогу, по которой поведет стадо к горному пастбищу. Лишь окна тюрьмы упираются в стену. К кому бы ты ни попал в дом, посмотри, куда выходят окна, и ты узнаешь, чем наполнен взгляд хозяина дома в период раздумий.

— Что видишь ты из своего окна, сын?

— Каждое утро слышу звон колокола, Отец. У моих окон стоит Храм.

ПЛАСТИКОВОЕ СЕМЯ

Каждое утро тетя Женя выходила во двор, шла к неровной стене, образованной стихийно застроенными гаражами. Автомобиля она уже давно не имела. Стоял там когда-то давно «жигуленок» ее покойного мужа. Жерло войны поглотило и мужа, и машину. Это ненасытное брюхо, видимо, первоначально нуждалось в металлической пище. Бравые молодчики нацгвардии, избив до смерти мужа тети Жени, сели в его же машину и укатили в сторону прифронтовой реки. Путь этих горе-гвардейцев, впрочем, довольно быстро привел во все тот же военный пищевод, горная река очень быстро унесла их простреленные тела.

Именно так тетя Женя стала одновременно и вдовой, и полноправным владельцем металлического гаража. Свято место пусто не бывает, и потому довольно скоро в гараже она поселила белых, как снег, кур. Шумные эти создания были похожи на огромные снежинки, с желтоватыми вкраплениями пуговичных глаз на весьма любопытной птичьей голове. Петуха среди пернатого гарема не оказалось, и как только Евгения открывала жестяные створки гаража, куры, не брезгуя ложной свободой перемещения, рассыпались в поисках пищи на зеленом ковре весенней травы.

Одна беда — кормить кур тете Жене было нечем, а с утра надо было обязательно их привязать незримиыми нитями еды только для того, чтобы девственные несушки знали, куда им возвращаться ночью. Дом для них начинался с наступлением сумерек.

В темных глубинах гаража завалились пенопластовые уплотнители от довоенной еще покупки — холодильника. Раскрошив куски пенопласта на крошки, предприимчивая

женщина кормила ими кур. Глупые по своей природе птицы, не имея вкусовых рецепторов, стремились лишь к тому, чтобы наполнить свой мешкообразный желудок. Пенопласт вперемешку с мелкими камешками, найденными ими на земле, был прекрасным прологом к дальнейшему травянистому обеду.

Химически выращенное семя восполняло все прорехи в пищевой цепочке пернатых существ, которые, в свою очередь, сами живут лишь для того, чтобы собою насытить человека.

ВОЛЬФРАМОВАЯ НИТЬ

Кто бы мог подумать, что бывшие в употреблении лампочки помогут выжить, что благодаря им можно не умереть с голоду? Первый послевоенный год уже подходил к концу, а жизнь никак не налаживалась. Каждое утро старик, отставной офицер-пограничник, переживший все ужасы второй для него войны, спешил к мусорным горкам, выросшим за многоэтажками. Когда-то давно, в мирное время, здесь стояли металлические коробки для мусора, а сейчас по старой памяти люди выносили сюда бытовой мусор и сваливали его в кучу. Обедков почти никогда не было, да и не нужны они были. Старого солдата интересовали лишь обычные лампочки, которые в свое время питали своим электрическим светом скромные и нескромно богатые жилища обитателей столицы.

Хрупкий бизнес, скажу я вам, и в прямом и в переносном смысле. Если и посчастливится найти не разбитый на мелкие осколки экземпляр, то надо бережно его упаковать, донести до дома и там уже аккуратно очистить цоколь лампочки от ржавчины и до блеска отполировать мертвое уже для освещения стекло. Обидно, если стекло изнутри было покрыто черной опалиной, за такой товар еды давали мало. Вы спросите, кому, кроме этого несчастного интеллигентного бомжа, в своем военном прошлом снайпера, нужны были перегоревшие лампочки? Оказывается, благодаря им есть возможность не умереть с голоду. Это, конечно, далеко не тот сытный паек, который он получал в Афганистане в первую свою военную кампанию, но это та тонкая нить, которая держала его на плаву, не давая опуститься до обычного попрошайки. Новоселы, заполонившие город, по-хозяйски

разместились в богатых некогда особняках, заставленных антикварной мебелью, не хотели, чтобы эстетичность хрустальных люстр нарушалась пустыми патронами на фоне сверкающих подвесок. Остатки еды с их стола были скромной платой бомжу, который с подобием волшебства Санты Клауса умело вставлял недостающие пазлы в мозаику прозрачного эстетства. Освещение, конечно, от этого не становилось ярче, но дневные гости богатых хозяев этого заметить не могли, ведь днем никто не включал свет, а вечером всем предлагался ужин при свечах.

Сгорбленный от времени и невзгод, отставной офицер в очередное утро бредет к своему рабочему месту. Надо успеть прийти первым до того, как собаки разворошат кучу мусора, превратив целостность стекла в осколки. Надо обеспечить собственную жизнь едой и душевным светом и при этом попытаться сохранить честь и не стать рядовым попрошайкой.

СВАЛКА

Ты пришла? Молодчина, доплелась все-таки, и нечего мне хвостом вилять, делом лучше займись.

Свалка, как и сама жизнь, не любит ленивых, и ничего, что мусорная, подумаешь! Не велика гордость, когда голод прижимает к земле. Мусор — это когда пользы нет никому, а коль польза есть, значит, свалка тоже нужная штука. Ты собака, я старуха, а голод, он-то не выбирает нас, он или есть или его нет. На всех здесь хватит — и на людей, и на вас, собак, еще котам и крысам. Вот знаете вы это, хоть и животные неразумные, потому и не деретесь до смерти за кусок хлеба. Так, рычите, огрызаетесь, но чтобы до смерти воевать, так у вас не бывает. Я вот такого точно не видела за свой век, а я-то давно уже здесь живу, много твари разной повидала.

Ага, виляешь мне все хвостом своим, породистая ты, видать, была, сеттер небось какой-нибудь или терьер, а теперь вот ненужная стала, никому не нужная старая собака. Интересно все-таки жизнь устроена, люди — они ведь тоже разные бывают, как собаки, хоть порода и одна, человеческая, а все разные. И глаза у людей разные у всех — добрые, грустные, жадные, злые, хитрые, разные, одним словом. А собаки-то, они другие, приласкаешь пса и понимаешь, что у всех собак глаза добрые, и любите вы нас, людей, по-своему как-то, всех любите. Неважно вам — добрый человек или злой, вы любите преданно и тех, и других.

Наелась? Ну, вот и лежи здесь, отдыхай, небось, тоже о своем собачьем счастье думаешь? Вспоминаешь что-то, интересно, есть ли у тебя вообще память, и зачем старой бездомной собаке память? Вздыхаешь, прям как человек, спать, наверно, хочешь, ну и спи. Смотри свои собачьи сны, а я пойду, пора мне. Спи, собака.

ПУСТЫРЬ

Не было ни одной ночи, которая прошла бы спокойно, только сомкнешь глаза — и вновь ощущение тревоги. Будто камень лежит на глазах, так трудно их открыть, вот потому и лаю, зачастую не открывая глаз. А сна нет, глубокого сна, который дает возможность отдохнуть. Нет спокойствия, нет сил.

Утро — это голод, вытягивающий из воздуха холод и поселяющий его в собачьем нутре. Хочется выть, долго и протяжно, чтобы выпустить из себя мерзость холодного голода. Пора, надо вставать и идти в ту сторону, откуда доносятся манящие запахи еды. Странные все-таки эти люди, избавляются от того, что продлевает жизнь. Нет, для нас, собак, это, конечно, благо мы питаемся и живем за счет того, от чего они отказываются, вынося на пустырь остатки еды и одежды. Редко кто из людей дает нам пищу из своих рук. Может, они боятся, что мы поймем, какие они на самом деле, ведь по запаху их рук собака многое может узнать о человеке.

Она уже здесь, сгорбленная и всегда уставшая. Наверное, в ее ночном сне тоже нет спокойствия.

Странная, она ищет еду не носом, ищет, разгребая ящики и старые тряпки своими руками. Иногда, когда ей попадает лакомый кусок, она отдает его мне. С рук своих дает, они пахнут домом, уютом. У нее, наверно, был когда-то свой дом, а теперь она, как и я, живет и питается на пустыре. Запах прошлого дома вьелся в ее руки, остался в них навсегда. Глаза у нее красные, воспаленные, что-то же не дает ей спать, что? Наверно, в ней тоже живет память.

Мы, собаки, видим мир благодаря памяти запахов, по запаху мы ищем еду и утоляем свой голод. Эта старуха ищет

еду глазами и руками, не нюхом, может, ее память в глазах и руках? Странно устроен мир людей, они почему-то не могут понять, что глаза часто обманывают, а нюх безошибочен.

Я, старый шелудивый пес, как только утолил голод, почувствовал спокойствие, и мне сразу же захотелось спать. А она, добрая старушка, все ковыряется в куче еды и тряпья. Пусть ищет то, что нужно ее глазам, а я посплю чуток, пока тихо и спокойно на свалке.

НЕ СКАЗКА ПРО ЗОЛУШКУ

Потерянная на балу туфелька — это всего лишь фактор раздражения. Золушку больше беспокоило постполночное превращение — возвращение золоченой кареты в тыкву. Да и сама Золушка, конечно, давно уже не юная дама. Увядающая красота старой девы была несоразмерна с потерей хрустального башмачка. Принц, он, конечно, тоже нужен ей был в личной жизни, но не настолько необходим по сравнению с этой комфортной и уютной каретой. А кони в упряжке? Белоснежные, длинногривые, каждая из лошадей — сама по себе принц, и нет здесь уточнений в половой принадлежности, как-никак монархическая кровь, а тут раз — и стали опять мышшиной реальностью. Про возницу и говорить не хочется. Золушка все время видела лишь его сторбленную спину и развевающиеся на ветру полы его черного камзола. Капли пота, словно прозрачные пушечные ядра, выстреливались ей прямо в лицо, отрываясь ото лба этого капитана тыквенного лимузина, время от времени вытирающего свой лоб рукавом. Все дорогу от королевского замка до отцовского дома они неслись с такой скоростью, что не было времени даже на остановку у колодца, и потому измученная жаждой Золушка удовлетворялась лишь солеными капельками, взрывающимися у нее на губах. Свой пот неприятно пахнет, а чужой так и подавно противен, но что уж тут поделаешь, надо было спешить, даже в сказке чудеса ограничены во времени.

А туфельку жалко, красивая была, не совсем уж и маленькая по размеру, зато богато украшенная самоцветами. Слуги-то королевские, небось, пока разыскивать будут хозяйку такой ценной обуви, наверно, захотят отодрать пару драгоценных камешков для своих ненасытных женушек. Это

в сказке все так хорошо закончилось — примерила Золушка туфельку, и сразу же принц ее в супруги законные взял. На самом-то деле все закончилось гораздо прозаичнее — не успели они до полуночи доскакать до дому. Полночь застала в самом неподходящем для всего экипажа месте. Встали они у болота, на краю леса как вкопанные — лошади-мыши, карета-тыква и кучер-крыса.

Еще и странный этот путник, проходящий мимо. Незаметно как-то оказался рядом, присел на пенек и внимательно выслушал все, о чем печалилась Золушка. Утирая ей слезы своей замызанной чернилами полрой холщовой рубашки, он поделился с ней кусочком хлеба, задумчиво раскурил свою пеньковую трубку и долго-долго смотрел на звезды, сверкающие над макушками сосен. Так и просидели они вдвоем до утра, пока не подобрал их проезжающий на бричке трактирщик из соседней деревни.

Золушка незаметно пробралась в свой чуланчик и заснула там, уставшая от приключений. И снилось ей, как принц находит ее и примеряет туфельку на ее ногу. Все утро и весь последующий день трактирщик потчевал у себя в трактире странного гостя, который с усердием скрипел пером по бумаге, а уходя, щедро расплатился золотыми монетами за вино, еду и чернила.

ПОСТФАКТУМ

Это неправда, что год заканчивается. Ложь и то, что все начнется заново. Мы все это знаем, мы обманываем себя цифрами. Стоит избавиться от них, и станет ясно, что жизнь течет рекой, и у нее нет временных остановок. Она остановится когда-нибудь в этом данном измерении раз и навсегда. Даст Господь, и цифры будут многозначны, но что за ними?

Представляю, сколько людей с возмущением и негодованием читают эти строки. Воздержимся от эмоций, ибо они скрывают истинную картину бытия. Этнос, у нас проблемы, нас становится качественно мало, несмотря на то, что все внешние атрибуты присутствуют. Мы теряем молодых людей в автокатастрофах, молодежь тонет в болоте наркомании и пьянства, безработица царствует в обществе, и как следствие — суицид косит десятки жизней. Так дальше нельзя!

Ложь цифр оправдывает наше с вами бездействие. Мы говорим, что для положительного результата пока что не достаточно времени. Все это ложь. Мы поверхностно возмущаемся господствующей действительностью, а потом тихо и незаметно уходим в собственную «бытовую скорлупу», закрываемся от действительности и искренне играем в ЖИЗНЬ.

Дождливый декабрьский вечер, погода располагает к размышлению, благо есть над чем. Как и к чашке горячего чая хочется добавить аромат табака, так и дождю необходима музыка Демиса Руссоса. Стекляная хрупкость голоса, плавность и гибкость мелодии, всё это создает ощущение гармонии, уюта.

Уходят люди, уходят миры вместе с ними. Уходит истина, остается ложь, та же, что и была при жизни всех людей.

Если уходит истина, то это безвозвратно, а ложь жива всегда, изменчивостью собственной формы она вечна пока есть люди на земле.

Сопротивление лжи подобно бетонному волнорезу, сколько бы он не сдерживал удары морской стихии, соленая вода всё равно слижет его, растворит среди прибрежной гальки. Останутся лишь ржавые железные сваи цвета пережженного кирпича. Чай остывает, сигареты уходят одна за одной, только дождь вечен. Главный герой произведения Маркеса — Дождь. Льет и льет на головы людей, на крыши домов, на чернь асфальта, на голую глину вытоптаных лесных троп. Сигареты как люди, новая пачка, аккуратный ряд одинаковых по форме и содержанию табачных младенцев.

Всех ждет одна участь, сгореть. Вечность ищет приют в музыке, стихах, живет в поэтах и композиторах, надеясь, что именно в них нет предательства. Надежда — прощаемая самому себе сладость самообмана.

Декабрь аккумулировал в себе ложь всего уходящего года. Времени нет, временных сроков тоже нет.

Сиеста длиною в 25 лет...

Маленькой Швейцарией не стали, зато есть шанс стать подвешенной, словно гамак, мелкой латиноамериканской державкой, потонувшей в мусоре под жужжание бронзовотелых мух, управляемый хаос которых не выдерживает струю выхлопных газов, изрыгаемую проезжающим сквозь них парадом лимузинов.

ТЕОРИЯ ЛЖЕСЧАСТЬЯ

Преимущество неких авторских теорий именно в том, что опровержение таковых требует тщательного интеллектуального проникновения оппонента в область расшатанной психики автора какой-бы то ни было сумасбродной идеи. В результате чего происходит образование новой, сомнительной по медицинской нормальности, идеи, которая по своей силе превосходит первоначальную.

Таким образом, попытка выявить одну сумасбродность рождает вторую, более мощную по своей абсурдности, чем изначальная. К примеру, определение счастья. Зачастую мы его путаем с ощущением счастья, а между двумя этими понятиями лежит огромная пропасть, именуемая памятью. Изначально человек порождает в себе мысль о том, что он вдруг станет обладателем именно того, чего ему не хватает на данный момент, будь то материальное или духовное. Мысль крепнет, обрастает мелкими надуманными подробностями, подтверждающими мнимую истинность природного начала. Человек живет с этим ощущением довольно долго, пока искренне не поверит в то, что самообмана не было и все на самом деле логически выстроено, и он счастлив. Вот это и есть ощущение счастья, заменяющее собою само счастье. Но так как память индивидуальна и довольно непродолжительна, то вскоре забывается рождение иллюзорности, и человек чувствует себя счастливым.

Для того чтобы разрушить миф о счастье путем диалога, надо настолько глубоко проникнуть в саму идею суррогатного удовлетворения души и ума, что в конечном итоге оппонент сам становится жертвой собственного самообмана. Все дело лишь в длине памяти, вернее, в ее ограниченном по временному размеру воздействию на ум.

ОБМАН

Основное преимущество механических часов со стрелками против цифровых — всегда можно самому создать улыбку, переставив время на 22 ч. 10 мин.

БАРИ ЛУЙС, ЖОХОВУРД!¹

Утром после дождя свежо. Ремонт продолжается — привез цемент, не торопясь разгрузил и сложил в гараже пыльные мешки. Дети принесли воду в пластиковой бутылке из-под «пепси». Перекур. Подъехала старенькая «Волга», выходит из нее Жорик — армянин, давнишний знакомый из Шаумяновки.

— Барев, Ричард джан!

— Барев, Жорик ухацкы!

— В аптеку приехал, дай, думаю, с тобой кофе попью.

— Кофе попьем, конечно, присаживайся, Жорик. (У Жорика во время войны было ранение в голову, с тех пор его мучали постоянные боли.)

— Ара, ты мне скажи, Ричард джан, почему хотят президента снять?!

— Не знаю, Жорик джан, разве уже хотят?

— Столько разных собраний делают, много разных людей на трибуне разговаривают, снять хотят, сто процентов.

— Жорик, я ремонтом занят. Видишь, к школе не успеваю, спешу. Еще даже детей не собрал, мне не до телевизора и собраний.

— Ричард джан, мои двое тоже в школу ходят, старший учиться не хочет, я ему учебники покупаю, а он их дома оставляет, пустую папку берет и так в школу ходит. С пустой головой возвращается. Каждый день ему сто рублей надо — шестнадцать лет, кушать любит. Ты своим сколько даешь каждый день?

¹ *Доброе утро, народ (арм. яз.)*

— Почти столько же даю каждому, Жорик, и учебники каждый год покупаем.

— Ара, столько хороших ребят миллионы украли. Где они?

— Не знаю, Жорик. Наверно, в России или за границей, зачем тебе они?

— Они оттуда президента снять хотят!

— Жорик джан, у тебя корова есть?

— И не одна, много коров. Ну и что? Я же сыр в школу сыну не дам, ему одежда, учебники, деньги нужны. Зачем ему сыр в школе?!

— Тоже правда, сыр в школе не нужен. А ты не смотри телевизор, Жорик. Там много неправды говорят.

— Домой поеду, мне никто домой хлеб не принесет, если я не сам принесу. Пойду и дальше в поле работать. Плохой год будет, мандарин мало будет.

— И я пойду раствор месить, Жорик, мне тоже никто ремонт не сделает. Те, кто хотят президента снять, нам с тобой не помогут. Да и у него самого на нас с тобой времени нет.

— Пусть Бог будет с нами, Ричард джан!

— Аминь, только Он и будет с нами, Жорик ухацкы!

ВРЕМЯ ПОВЗРОСЛЕВШИХ ДЕТЕЙ

Вчера она летала не так высоко, можно было наблюдать за её полётом, не прищуривая глаз. И небо не было таким прозрачным, как сегодня. Каждый новый день небо разное, и облака каждый день разной формы. Изю дня в день большая птица разрезает облака своими крыльями.

Мальчик любил смотреть в небо, лежа на спине, именно в небо, а не на небо. Разница в том, что он не просто окидывал его взглядом, а буквально пробуравливал глазами, будто что-то выискивал в его небесной бездонности.

Раньше, когда он был совсем маленьким, они с отцом часто поднимались на этот холм. Когда сил на подъём уже не оставалось, отец сажал его на свои плечи и нёс, напевая, вернее, издавая горлом сквозь сжатые губы известную только ему одному мелодию.

Вечерет. Скоро эта огромная птица улетит. Неизвестно, увидит ли он её завтра. Казалось, будто на её крыльях лежит солнечный закат. Пора спускаться в долину. Сверху было отчетливо видно, как скот подтягивался ко двору. Наступало время домашнего хозяйства. Каждый раз ему не хочется покидать этот холм, похожий на изгиб спины сказочного дракона. Отец мальчика говорил, что когда-то давно здесь располагалась дворянская усадьба, стоял огромный каштановый дом на каменных сваях. Большие камни и сейчас разбросаны тут в немалом количестве. Представители знатной в прошлом фамилии переселились в Турцию почти два столетия назад. Холм освободился за это время даже от фруктовых деревьев, некогда бывших богатым садом. Отец

мальчика в детстве своем успел полакомиться здешними яблоками, созревшими уже к зиме. Красно-зеленые, твердые и необычайно вкусные они были покрыты мелкой черной крапункой. Их собирали и заворачивали в листья папоротника, складывали на чердаке и лакомились ими всю зиму. Но это всё мальчик знал лишь по рассказам отца. Сейчас не видно даже пней от поваленных временем деревьев.

Черная птица с крыльями-парусами уже улетела. Мальчик встал с мокрой от росы травы, вытащил мятую пачку сигарет из кармана и направился к центру холма, где располагалась огороженная металлической сеткой могила его отца. Он прикурит еще одну, последнюю на сегодня сигарету, сделав пару глубоких затяжек, и оставит её догорать в хрустальной пепельнице с отбитым краем. Сигаретный дым медленной струйкой будет подниматься к правому верхнему углу мраморного надгробия, именно туда, где высечено изображение ордена Леона — посмертной награды его отца. Тоненький столбик сигаретного дыма очень похож на тот, что виден внизу, в долине, — на дым из печной трубы отцовского дома.

ПОСЛЕДНИЙ СЕНТЯБРЬ

Мечты всплывали во сне. Наверное, им нужна была тишина, которая наступала лишь тогда, когда сознание отключало органы слуха и зрения. Как бы отключало, на самом деле оставляло маленькую брешь, через которую внешний мир давал о себе знать время от времени.

Сон намертво переплелся с мечтой, их скрепляло отдаляющееся все глубже и глубже ощущение реальности. Звуки войны, казалось, затихли настолько, что напоминали отдаленные птичьи крики, раздававшиеся в ближайшем предгорье. День, пропитанный солнцем, пах осенней травой, дымом костра и был наполнен ароматом вареной кукурузы. Вершина наслаждения тишиной — это когда не хочется даже любви, все плотское отступало, тонуло в состоянии истомы. Напряженное тело расслаблялось и медленно впитывалось землей, словно влага, проникающая в недра песчаника.

Время остановилось. Все окружающее пространство превратилось в мечту бесконечного сна, в котором никто и ничто не потревожит человека, бросившего оружие, человека, который отказался беречь свою жизнь, отказался убивать. Война для него закончилась в тот миг, когда собственное выживание потеряло свой смысл.

ВОПРОСЫ В НИКУДА

Когда поднимаешься в гору, мысли сконцентрированы лишь на процессе ходьбы. Совсем чуточку места в мозге отведено процессу отдыха и наслаждения от вида долины, который ждет путника на вершине. Как много сил и энергии забирает подъем! Шаг — год, вдох—выдох, и юность уже в прошлом. Там, внизу, казалось, что вершина недосягаема, сложность пути предполагала участие многих людей, подготовивавших поход. Коллективный труд, ведущий к вершине индивидуума, в принципе своем уже не самое справедливое предприятие. Жизнь — та же гора. Разница лишь в том, что, достигнув вершины, думаешь не о качестве шагов, насколько уверенны они были, а о том, какое будет их количество при спуске с вершины, сколько же еще шагов осталось, отведенных Всевышним на твой век?

Посвятить жизнь улучшению ее качества — занятие хлопотное и иногда даже приятное, наверно, приятное, коль люди занимаются этим, попирая основы веры и морали. Душевная зависимость от комфорта не порочна, но, тем не менее, разлагает личность, она нивелирует качество прожитого, исчезает идея равенства в социуме, к которому издавна стремились все религиозные и философские течения. Размываются этнические принципы, границы национального самосознания. В результате богатая палитра разноязычия и неповторимого колорита ментальности превращается в серую массу общего жития.

Пройдя путь от равнинных долин до горной вершины, задумываешься о том, как оценят твой путь те, кому еще предстоит прожить жизнь, пойдут ли они по твоим следам или посчитают их ошибочными? Зарастет травой твой путь или станет основанием для надежного тракта?

ПАДЕНИЕ БИЛО¹

Снятся слова, отчетливые и выстроенные в строчки. Длительность снов определена размером предложений. Сквозь ложную дремоту пробивается осознание смысла слов-снов. Пара-другая сигарет, выкуренных в открытое окно, не отрезвляет. Застываю между сном и реальностью, становится жутко на душе.

Словно колокол, в мой день ворвался шум моря, утренняя набережная гудит обрывками разговоров в кофейне. Вместо мыслей какие-то лохмотья, мимо глаз проходят лица, все чаще сравниваю город с караван-сараем. Недавно использовал это определение в стихах — нечто среднее между постоянным двором и долгим переходом через пустыню. Жизнь между сном и реальностью, каждый новый день требует надуманной причины для актуальности собственного существования. Истинный смысл этой лжи и ее обезоруживающая правда придет лишь перед осознанием смерти.

Сорвавшийся с многотонного колокола язык, упав на голову, пришибет так, что уже никогда не оправившись. Реальность слов сейчас уже пройдена в двух-трех написанных абзацах, реальность сна ждет наступления темноты, чтобы ворваться в воспаленное сознание.

Неважно, по ком звонит колокол, если его набат — последнее, что ты слышал в своей жизни.

¹*Било — язык колокола.*

ПРОГРЕССИЯ РЕГРЕССА

Не могу сказать, я прочел это когда-то где-то или сам додумался. Неважно, главное — смысл неизменен. Человек — эксперимент Всевышнего, вышедший из-под контроля самого Творца. В скуките заоблачной жизни создание некоего существа по Образу и Подобию могло сильно позабавить на некоторое время того, кто после сотворения Земли особо и не расслаблялся. Все было бы хорошо, только вот на определенном этапе поняв, что механизм разума, вложенный в Божью тварь, дает сбой, Создатель вышвырнул сие творение в мусорную корзину Космоса, именуемую планетой Земля.

Наделённый лишь зачатками разума, человек по пути развития не пошёл дальше, чем простейшие, которые на самом деле — сложнейшие, ибо их так называемая простота не позволяет опускаться до глобального самоуничтожения, именуемого войной в границах одного подвида.

То, что принято называть разумом, скорее всего, сбой генетической программы, произошедший из-за перегрузки вследствие перенасыщения информацией. Люди пошли войной друг на друга еще в эпоху каменного века, когда поняли, что мамонта убить сложнее, чем своего собрата, который уже сидит у туши убитого зверя. Деграция прогрессирует из века в век, заманиваемая технологическим процессом, который совершенствуется лишь как военно-промышленный комплекс. К счастью, не все ещё потеряно. Судя по всему, остатки интеллекта в скором времени исчезнут бесследно, ибо всепоглощающее чревоугодие завладело умами людей, и мы как подвид опять встанем на начальную ступень своего развития, на которой единственной технологией был лишь фиговый листок.

КОРНИ

Ощущение собственного величия, вернее было бы сказать, собственной ничтожности, впервые и на долгие впоследствии годы пришло ко мне в деревне.

Я, еще дошкольник, как и все дети, любил это поездки в село. Дедовский дом — огромный, крытый камышом, весь был из дерева. Потемневшее до черноты дерево, с едва сохранившимися следами топора и тесала. В нем давно никто не жил. Дедушка, умевший врачевать, развешивал в нем для просушки целебные травы, кругом царствовало волшебство непонятных для меня предметов. Огромные плоские камни для растирания семян, различные ступки, медные тазы, миски, кувшины и горшочки.

Место для житья было выбрано, конечно, не самое удобное, так, во всяком случае, мне тогда казалось — кругом лес и всего один дом по соседству. Один, но какой?!

Огромный двор, покрытый травой, апацха, большой двухэтажный дом, пара-другая хозяйственных пристроек. Ближе к дому росло грушевое дерево в два-три мужских объёма. Жила там семья брата моей бабушки, главу семьи звали Гулико. Это был худощавый старик, с глазами, в которых всегда жила улыбка, нередко опускавшаяся с ресниц к губам. Он почти все время проводил под тенью грушевого дерева, сидя на низеньком трехногом стульчике. Помню каменную плиту, всю изрезанную замысловатым узором, видимо, очень древнюю, так как сам Гулико не мог вспомнить, когда и откуда она появилась в его доме. Обычно на ней стояла ваза с фруктами и лежали нарды, ждущие игроков.

У Гулико было три сына и дочь. Сыновья — богатыри, как из сказки. Впрочем, учитывая многочисленное четвероно-

гое хозяйство, удивляться нечему. Добрая часть Ноева ковчега была представлена здесь пасущимся и кудахтающим молодняком. Запомнился мне особенно конь, белый и высоченный, как называли его в то время — спортивный. Гулико любил нас, детей, хоть и никоим образом не говорил нам об этом. Время от времени он отпускал в наш адрес шутки, задавал вопросы о городском быте, из которого мы вырвались на летнее время. Белоснежные островки козьих шкур были разбросаны на зеленой траве, это была территория детских игр и забав.

Я никогда не видел этого седого и мудрого старика в европейской одежде. Обычно он надевал длинную холщовую рубашку и шаровары. На праздники или в поездки на свадьбу он облачался в полный комплект национальной одежды ручной работы, на которой даже пуговицы были как произведения искусства. Внешне он казался довольно суровым человеком. Наверное, со своими детьми, людьми младше по возрасту и ровесниками он таковым и был. Но с нами это был добрый волшебник, который мог прокатить нас на арбе, запряженной парой черных буйволов. Ловкими пальцами он в течение десяти минут мог превратить обычную иголку в рыболовный крючок и практически бесшумно босиком подводил нас к маленькой речушке, протекавшей мимо дома, обязательно таким образом, чтобы тень от нас не попадала на воду.

Наверно, не было тех вопросов, на которые Гулико не знал бы ответа. Сомневаюсь, что он имел классическое по нашим понятиям образование. Никогда не видел его пишущим или читающим, хотя говорил он как минимум на четырех языках. Супруга его Ламара (светлой памяти) была мегрелкой, и с ней его общение было лишь на родном ей языке. В обиходе всегда использовался абхазский, русский был языком официального общения с бригадиром или кассиром местного колхоза.

Впервые турецкую речь я услышал, когда Гулико объяснялся с моим дедом по поводу некоего кожного заболевания и способов его излечения. Как-то незаметно мы выросли, в нашу жизнь ворвалась война. Трое сыновей Гулико прошли через ее горнило. Зураб, младший (по-домашнему его называли Кика), великолепный наездник, любивший и знавший лошадей больше всего в жизни, погиб в последний день войны, уже узнав о Победе. Неся эту весть однополчанам на дальний пост, Кика попал в плен... его сожгли живым. Когда весть о трагедии коснулась слуха Гулико, он ослеп. Жизнь закрыла окна его глаз.

Много лет прошло со времени моего счастливого и беззаботного детства, но на всю жизнь запечатлелся в моем сердце образ Гулико. Когда я слышу выражение «Апсуа хаца», я представляю именно его, человека, который сильнее всех жизненных невзгод и даже сильнее любого страха, Апсуа, настоящего потомка богатырей — Нартов. Человека, которого сломила гибель сына.

За что мстит История целому этносу?

Мы можем быть победителями в любой войне только потому, что земля Апсны щедро дарит миру героев, атлантов по Духу и титанов действия.

Одно «но» — в период войны они иссякают, как некий природный ресурс. Здесь следует учитывать, что войны на самом деле не заканчиваются только лишь победой оружия. После войны, когда необходимость крупнокалиберного мышления остро необходима, выясняется, что именно здесь наблюдается острый дефицит. Хотя в последнее время наблюдается положительная динамика в том, кого мы как нация (причем довольно малочисленная, скажем, по сравнению с Китаем либо Монголией) открыли для внешнего мира — в области науки и искусства, прозы и поэзии, спорта.

Одним словом, это те же титаны, такие же воины Духа, как и их предки. Я опасаясь лишь одного: неужели мир вновь приближается к масштабной войне, в результате которой нам придется отложить в запасники Истории мысль о строительстве государства, о котором мечтали наши предки?

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ССОРА

— Почему ты дуешь на кофе?

— Хочу и дую. Я пью кофе именно так, как мне нравится. Первую утреннюю чашку пью именно так, как хочу. Не нравится мне, когда кофе обжигает губы. За день я выпиваю не меньше пяти чашек. Самый вкусный именно тот, который ты варишь мне. Я ведь не спрашиваю, о чем ты думаешь, когда закапываешь джазвей с кофе в горячий песок?

— Можешь и не спрашивать, сам скажу, секретов нет. Я думаю о том, какие вы все разные, абхазы. Никто не сможет стать абхазом искусственно, даже если будет свободно разговаривать на вашем языке. Что-то сидит в вас такое, что отличает от всех других. Вот зачем ты дуешь на кофейную гладь? Кофе — ведь это дом, на доньшке чашки, словно фундамент, плотный осадок гущи. Собственно, сам напиток — комната дома, уютная и теплая, каймак — крыша, укрывающая от непогоды. Зачем ты крышу сдуваешь?

— Лёша, ты неправильный армянин, знаешь, почему?

— ..?

— Правильные армяне нас, абхазов, не ругают, замечания нам не делают, даже тогда, когда не понимают логику наших действий. А ты с раннего утра приходишь на работу, варишь нам кофе и без остановки ругаешь нас. Ты не боишься абхазов?

— Как могу я бояться того, кто сдувает крышу с того дома, который я ему построил?

— Лёша, ты хоть и неправильный армянин, но зато самый счастливый. Ты первый, кого мы встречаем на своем дневном пути, ты ворчишь на каждого, кому варишь кофе, потом берешь за это деньги и на самом деле думаешь, что мы без тебя не сможем начать свой день.

— Опять дым твоей сигареты расшатал каймак. Это ты неправильный абхаз, сидишь там, куда я никого не пускаю, мало этого, еще и сам себе иногда варишь кофе. Ты на самом деле думаешь, что счастлив? Да, с удовольствием ворчу на всех клиентов, если честно, то я говорю вслух то, о чем вслух говорить не принято. Город погубит абхазов, город и телевизор, лучше возвращайтесь в свои села, пока там видны останки дедовских дворов... Деньги, видишь ли, я с них беру! Да, я единственный армянин, который с удовольствием терпит вас в таком количестве с утра, но вот незадача — вечером приходит старший абхаз, и все деньги я отдаю ему.

— А я вижу фундамент сваренного тобою дома. Хороший кофе ты варишь, Лёша джан.

— О чём я думаю, такой кофе и получается, цавт танем, Ричард джан.

— Бог с тобой, Лёша джан, пусть будет долг тот день, который начинается с твоего ворчания.

—

—

ШАБАТ

В соцсетях идет война, слова словно пули пролетают у глаз. Если свист слышен, значит, снаряд «не твой». Местная красавица в кафе, сидя за стеклянной перегородкой, накладывает на кисти своих изящных рук защитный крем. Само кафе — словно вокзал, сыро и накурено.

Кайф.

На рынке цветными гирляндами всевозможных оттенков пожара в джунглях висит аджинджуха, гроздьями сладких шишек красуется сушеная хурма. Лужи на асфальте всегда рады ногам прохожих. Каждые пять минут проносятся милицейские машины с включенными мигалками. Цыгане, обвешанные дешевым тряпьем, терроризируют прохожих.

Кайф.

На театральной площади у фонтанов грифоны наблюдают за очередным свадебным спектаклем. Новобрачные под нехитрое музыкальное сопровождение селятся в храме искусства. У служебного входа актеры и служащие одну за другой уничтожают сигареты.

Кайф.

Зима — как страницы из романа Маркеса. В Макондо идет дождь. В стране эпидемия гриппа, школы закрыты на «сопливые каникулы». Юные прожигатели жизни, вывалившись из джипов, молча лузгают семечки, растут сугробы черно-белой шелухи.

Кайф.

Законы рождаются еженедельно, спорные и волнующие народную массу. Суббота, полусонный чиновник в сопровождении охраны гуляет по набережной. Потенциальных врагов слуг народа не видно, но формальности безопасности

соблюдены. Черным преданным псом хозяина ждет лимузин, припаркованный у тротуара.

Кайф.

Радио «Монте Карло» — самый верный друг и собеседник уже давно. В авто уже третий месяц как испортился магнитофон, слушаю скрипы и шумы подвески. Из-за необходимости общения с миром музыки вынужден не выходить из дома.

Кайф.

Чувство свободы наполнено осмыслением того, что ты просто-напросто не нужен никому за пределами своих мыслей.

Кайф.

МАГИЦОН

Этот старик не сажал деревья, не делал игрушек для соседских детей и даже не ремонтировал мощеную булыжником дорогу, так, как это обычно делают одинокие и старые люди. Кстати, камни, которыми был устлан путь из поселка в город, сверкали, как стекло. За долгие годы существования дороги автомобили и люди своим бесконечным передвижением отполировали их до блеска.

Он все время был один, ни с кем не общался, не признавал соседей, нигде не работал. Заросший и неопрятный, он все время ходил с молочным бидоном — небольшим, алюминиевым цилиндром на стальной проволоке вместо ручки. Время от времени к нему прибывалась какая-нибудь бродячая собака, и даже с ней он не разговаривал. Все называли его Магицон. Невозможно было определить его возраст, национальность. Никто из жителей поселка уже не помнил, откуда он взялся. Дети шутя определили в нем шпиона, который носил в своем бидоне рацию и передавал врагам важные сведения, наверное, потому, что он все время одевал военную плащ-палатку, выгоревшую и местами рваную.

Последние майские дни, последний звонок в школе, в праздничной суете день пролетел как один час. Вечер подкрался незаметно, шумное застолье в актовом зале школы — танцы, веселье в преддверии нового жизненного этапа. Выйдя на балкон покурить, благо мы считали себя уже повзрослевшими, я вдруг увидел его.

Магицон стоял на школьном крыльце и раскачивался в такт доносившейся из глубины здания музыки. Ступеньки быстро исчезали, спуск по крыльцу был стремителен, но Магицона уже не было.

Потом были годы беззаботной студенческой жизни, затем война. Было не до этого странного человека, забылась и сама загадка его существования. Магицон исчез, просто растворился в прожитых годах. Человек без прошлого, человек-загадка.

ТЫ — ЛЕТОПИСЕЦ

Ты научилась управлять своей тенью, малыш. Водишь ею по белой стене, словно выгуливаешь собачку на поводке, по дорожке осеннего парка. Бесконечно чистый лист бумаги, черная вязь течет чернилами из перьевой ручки. Отпустила из себя текст, переложив его на плоскость известкового покрытия, отдала моим глазам на миг и сразу же стерла.

Малыш, ты никогда не произносишь слова вслух, держишь их в себе. То, что отдано стене, — малая часть твоего молчания, всего лишь крупница, песчинка, осыпавшаяся с вершины горы.

Я читаю тебя, малыш. Впитываю в себя, твоя тень растворяется в темноте моих глаз. Все, что прочтено, уже никогда не передать никому другому, мгновения находят дом там, где поселяется твое слово. Жить надо так долго, чтобы хватило времени пересыпать в себя песчаную гору твоих мыслей, малыш.

ПОЛУДЕННОЕ ОЖИДАНИЕ

Земля пахнет сама собою. В конечном итоге она всегда пахнет сама собою. Своим особым, земляным запахом. Впитывая в себя все, что исходит от человека, она всегда возвращается к собственному запаху. Солнце только усиливает этот запах своим жаром. Роса, дождь, снег, мороз — они лишь прибавляют некий смысл этому запаху, усиливают его.

Обессиленный, я лежал на земле лицом к небу, в уже пожухлой, почти осенней траве.

Я ждал ангела, я просил небо прислать его ко мне. Хотя бы самого маленького, почти крошечного, мне хватило бы и его. Даже у маленького ангела большие крылья, такие большие, что смогут укрыть меня всего, спрятать от палящих лучей солнца. Горячая земля, горячая одежда на мне, горячий воздух окутал меня всего, горело все и внутри меня. Спасение лишь в ангеле, только он может укутать меня тишиной и спокойствием, он заставит мое сердце не биться так учащенно и громко. Он вернет ему привычный некогда ритм, размеренный и спокойный.

Тринадцать месяцев минуло с того дня, как мое сердце превратилось в загнанную лошадь.

Бесконечно длинный на события год иссяк под солнцем сентября. В моем сознании остался лишь запах земли, такой родной и такой острый запах, полный пота и слез. Полный боли и пронизывающего душу крика.

И не говорите мне, что в запахе нет звука, не говорите, этого не знает тот, кто его не слышал. В этом не признается тот, кого мучает этот крик, вытягивающийся дымом из самых глубин земли.

Он показался вдалеке маленькой черной точкой на фоне красного солнца. Он летел ко мне. Мой ангел, каждый взмах его крыльев сближал нас, он спешил ко мне. Я ощутил ветер, исходящий от взмахов его мощных крыльев. Ангел, который спрятал меня от солнца, спрятал от людей и от мира. Он прилетел и обнял меня.

На землю скатилась слеза, которую никто не увидел. Она скатилась по моей щеке и растворилась там, откуда растет трава.

Земля пахнет собою, и в ее запахе живет мой крик, который никто не слышал.

Меня забрал ангел.

ХОЛОДНЫЙ ДЕНЬ

За поминальным столом раньше не пили много вина, а водка тем более не была в особом почете. Необходимость произносимых тостов обычно не превышала по своему количеству дни недели. Если первый поднимаемый стакан с содержимым рубинового цвета за упокой души усопшего был понедельником, то седьмой — воскресный — был замыкающим в цепи алкогольной дани уважения семье покойного.

Сегодня же я был свидетелем как минимум двухнедельного поминального марафона, именно свидетелем, а не соучастником, ибо пьющие именно в таком формате мужчины сидели обособленно на противоположном конце длиннющего стола, сколоченного из плохо обструганных досок. Глубокие тарелки с дымящейся фасолевым похлёбкой, проплывая над островками с зеленью и умело лавируя меж красных холмов редиски, аккуратно приземлялись среди граненых стаканов. Где-то после тестируемой среды, второй по счёту недели, а это значит, поднятый стакан с вином был, наверное, одиннадцатым или двенадцатым, голоса в мужской компании были уже не стеснительно-огорченными, а уверенно-утверждающими, и они вещали о предполагаемых жизненных радостях, которые ждут после похорон усопшего, всех членов его семьи.

Март выдался холодным в тот год, а тут еще и ветер поднялся на исходе дня. Близость гор определенно сказывалась на резко изменившейся погоде. Боковым зрением я безуспешно пытался отличить частые снежинки от недавно родившихся лепестков распутившейся алычи, сорванных колючим ветром. Неурожайный будет год, трудный для крестьян. Пространные речи у гроба чуточку затянулись, всеобщая соседская любовь была выражена в ораторском искусстве именно того мужчины, который побил все рекорды

в поминальном застолье. Наконец-то процессия медленно двинулась к своему логическому финалу, обозначенному свежевырытым в земле прямоугольником, именуемым могилой. Печальный парад возглавлял бодренький не по возрасту старичок, с зажженной свечой в левой руке и бутылкой вина в правой. Довольно умело прикрываясь полой старенького плаща от ветра, он не давал свече погаснуть и еще умудрялся через каждые пару шагов проливать на землю должные ей глотки вина.

Грустно, холодно и очень уж беспросветно выглядит собственное будущее после дня, заполненного таким мрачным событием, как похороны. Мне предстоял обратный путь домой, в столицу. По неудивительным уже для меня поворотам судьбы моим спутником оказался именно тот оратор, который уместил в себе добрую дюжину винных тостов, выплеснутых впоследствии пламенной речью у гроба усопшего. Нам предстояло вместе пройти километра три до автотрассы, где я, ожидая автобус, был вынужден подсчитывать его многозначительные вздохи, обращенные, скорее всего, к Всевышнему, который почему-то очень долго не хотел, чтобы мы разместились в теплом чреве старенького автобуса. Слов не было, настроения тоже. Кругом был март, он окружал меня во внешнем мире и поселился во мне самом.

ГРАНИЦЫ ИЗМЕРЕНИЯ

Человек решил догнать солнце, догнать и идти по небосводу рядом с ним. Быть вместе в пути не всегда предполагает дружественный союз. Человек шёл рядом со светилом лишь для того, чтобы контролировать, подчинять себе его размеренный ход. Так были придуманы первые часы, солнечный измеритель времени. Разбив светящийся луч о вертикаль каменного треугольника, человек преобразил свет в тень, указывающую, с какой скоростью заканчивается день и как быстро начинается ночь. Исчезающее в пространстве вселенной и в ограниченном сознании человека, время вскоре было наполнено рассыпчатым песком в стеклянную колбу. Песочные часы стали отображением границы безвозвратного прошлого и постоянно тающего буквально на глазах настоящего.

Время стало мерилom жизни, солнце отождествляло рождение, его уход с небосвода предвещал смерть. Часы заставили человека увидеть — насколько скоротечно его существование на земле, что жизнь — это лишь сумма раздробленных, исчезающих секунд, а не цельность неизмеримых солнечных дней.

ЧАН

День подходил к концу, а мне еще надо было попасть в Гудауту. Но спешить куда-либо летом нет необходимости. Темнеет довольно поздно, да и дневная жара только-только ослабила свою удушающую петлю, накинутую на всю сухумскую набережную. Самое время для чашки ароматного кофе, приятного и емкого диалога с мудрым Русланом Гожба. Интересно то, что в беседе с ним всегда главенствуют неторопливая поступь безграничной эрудиции и податливая мягкость произносимых им слов, вкупе с плавным танцем его довольно не маленьких ладоней. К сожалению, я уже не помню, о чем конкретно мы говорили в тот вечер, то ли о так называемом Дурипшском сходе 30-х годов прошлого столетия, то ли о загадочных каменных фигурках, выносимых на поверхность подземной рекой в период ливневых дождей высоко в горах, за селом Хуап. Неважно, главное была прочитана увлекательная лекция, автором которой являлся один из самых добрых интеллектуалов нашей земли.

Всему, что имеет начало, приходит логическое окончание, мне пора было отправляться в путь. Не только вежливости ради я предложил Руслану составить мне компанию в дороге. Он и сам был родом из тех мест, куда я направлялся, и мне не составило бы труда уговорить его поехать со мной. Но сославшись на необходимость завершения какой-то срочной работы в музее, он остался в городе. Я подозреваю, что ночь предстояла Руслану бессонная, и полное погружение в архивные документы было осознанной одержимостью

его профессии историка-этнографа, геолога-литератора, архивариуса-писателя, словом, человека-многогранности.

Машин на трассе почти не было, и не хотелось даже слушать музыку по радио. Опустив все стекла, я дал волю ветру. Мощный шестицилиндровый двигатель AUDI демонстрировал многолетнее стремление немцев к педантичности и безупречному качеству. Мотор не тарахтел и даже не урчал, это был ровный шепот, готовый в любой момент перерасти в пронзительную по своей динамике оперную арию. Бывают редкие моменты в жизни, переживая которые, знаешь: они запомнятся надолго. Я наслаждался дорогой, ночью, тишиной. Ехал медленно, ощущая послевкусию интересной беседы. Уже остались позади купола Афонского монастыря, когда до моих ушей донесся странный звук откуда-то извне. Кто к кому приближался — я к нему или он ко мне, я сразу и не понял. Протяжное пение, казалось, состояло из одной, максимум двух гласных. Это были не слова, скорее, музыка, издаваемая исполинскими мехами, довольно громкая и чистая по звучанию. Вскоре на дороге, освещаемой фарами моего авто, показалась одноосная повозка, плетущаяся по обочине. Два огромных деревянных колеса, окольцованные железом, словно аккомпанировали солисту своим цоканьем по поверхности дороги. Поющего не было видно ни на повозке, ни рядом с тем ослом, который тянул этот библейский персонаж параллельно моему движению. Это была интрига, которую мне обязательно хотелось разгадать, ибо песня невидимого певца не закончилась, а наоборот, раскрылась во всей своей архаичной наглости, попирая все законы физики, на которых основаны чувства слуха и зрения. Я не мог найти глазами человека, который пел!

Максимально прижавшись кормой своего автомобиля к повозке, я разглядел водруженный на ней чан, обычный деревянный чан. Такой и у нас дома когда-то имелся, сделанный из досок старой липы. Большой чан для виноградного

отжима, как говорили раньше старики, тридцативедерный, то бишь литров на триста. Открытым своим раструбом он был направлен по пути следования повозки, днище же, нескромно оголенное, отмеряло собою пройденный ишачком путь. Самое главное, не к месту будет сравнение, изюминкой сей странной конструкции был старичок, сидевший внутри чана и поющий свою бесконечную песню без слов. Голос его, многократно помноженный акустикой пропитанных винными парами стен чана, разносился по округе сродни Иерихонской трубе. Откуда и куда он ехал? Кто и где ждал его в ту ночь? Вопросы, на которые даже не надо искать ответа, тут неуместно вспоминать «Камо грядеши».

По дороге от Афона к Гудауте на повозке, запряженной ишаком, ехала сама жизнь, древняя, как поющий старичок, и молодая, как недавно собранные грозди винограда, для которого везли этот деревянный чан.

ЗАМЕТКА

Лист бумаги, бесконечно длинная пустота белого цвета. Пустыня, в которую проваливается взгляд, в ней теряешь всего себя. Попытка зацепиться сознанием за что-то неведомое никак не увенчается успехом. Обманывая себя надеждой, сталкиваешься в очередной раз лишь с пустотой. Слова — ступени лестницы, ведущие к очередному обману.

Сотни тысяч шагов, сделанных в разные стороны, внушают ложное чувство превосходства над расстоянием и объемом. Пустыня раскатана на столе, как тесто. Огненное чрево дровяной печи ждет очередную порцию откровения.

ШАХТА

Капля дождя похожа на медузу. Прозрачная и круглая, она легла на окрашенную поверхность автомобиля. Новенький автомобиль «жигули» приятного желтоватого оттенка уже давно стоял под весенним дождем. Запотевшие изнутри стёкла закрыли от меня мир. Мне лет двенадцать, я сижу за рулём и жду отца, который пока ещё работает, жду долго, почти три часа. Когда становится совсем невмоготу от скуки, я протираю стекло ладонью и наблюдаю за каплями дождя, падающими на капот машины. Пока они неслись с небес в свободном падении, были прозрачны, но приземлившись на окрашенную поверхность, становились такими же приятно желтыми, как и весь «жигуленок». Наверное, всё в этом мире чисто и прозрачно, пока свободно. Прикосновение к чему-либо изменяет и цвет, и форму.

Мой отец — шахтер, горный инженер, так мне больше нравится его называть. Каждый день он с коллегами уходит в забой, пешком по длинному тоннелю, увешанному гирляндами осветительных ламп из толстого стекла, заключенных в металлический обод. Вообще-то шахтёры очень веселые люди, видимо, постоянная опасность, сопутствующая их профессии, делает их оптимистами. Уходить вглубь земли, где кроме воды, стекающей со всех сторон черного каменного мешка, и спёртого воздуха, нет ничего, — означало, насколько они близки к самой сути существования природы как таковой. В рабочих сутках всего три смены, каждая шахтёрская смена длится шесть часов, с раннего утра до поздней ночи.

В каждой смене на разных участках шахты в забой уходят по сто — сто пятьдесят шахтеров, и так шесть дней в

неделю. Иногда возвращаются не все. Завал — на профессиональном сленге означает аварию, когда крепёжные основные балки проломлены под каменной породой, когда все рушится и горит под землей, когда горе выходит из-под земли и идёт в чей-то дом, в чью-то семью. Часто употребляемое горняками слово — газ-метан, именно так, будто одно целое, его и произносят шахтеры. Не любят они этот газ, не боятся, но очень сильно не любят. Газ-метан — враг для человека, он без какого-либо запаха, его невозможно ощутить обонянием. Коварный враг подземелья, он накапливается и взрывается от малейшей искры, разрушая и воспламеняя всё вокруг себя. Если в шахте завал, то шансов выжить очень мало. В старину горняки брали с собой под землю птиц в клетке, обычно дроздов, вешали клетку в забое и время от времени наблюдали за птицей, жива ли она. Дроздам хватало малейшей дозы метана, чтобы задохнуться и умереть. Если птица умирала, шахтеры в спешке покидали рабочее место. Птица — как индикатор смерти.

О чём только я не думал, сидя один в отцовской машине.

Идут! Из-под овального входа в тоннель показалась группа мужчин. Каски с прикрепленными к ним фонарями (канагонками) сняты с голов, почти каждый второй курит одну за другой сигареты. Шесть часов без табака — это сложно. Усталые, но всегда веселые, подтрунивая друг над другом, направляются в раздевалку, где у каждого свой шкафчик и в нем чистая одежда и банные принадлежности. Оттуда — в общую баню.

Я дождался, когда после бани со всей бригадой отец идет в столовую. Там традиционная бутылка пива и «разбор полётов». Я с гордостью и наслаждением наблюдаю, как эти солдаты подземелья радуются жизни, солнцу. Радуются тому, что я тоже жду их. Осознание того, что их ждут, наполняет особым смыслом их жизнь. Глаза шахтеров всегда улыбаются солнцу, а глаза эти невозможно не заметить. Они окайм-

лены черной полоской угольной пыли, въевшейся в основание ресниц. Веселые глаза в чёрной траурной кайме — как тот дрозд, что в клетке ждет свою порцию метана.

Сегодня я повезу их домой. Мне, пацану, доверено сесть за руль отцовской машины и везти всех домой, в маленький горняцкий поселок, в котором родные ждут своих солдат.

Я счастлив и горд, я рядом с отцом, и то, что мы вместе возвращаемся домой, делает и меня чуточку шахтером, чуточку солдатом.

ДЕВЯТЫЙ ДЕНЬ

Утро выдалось солнечным. Несмотря на это, вставать с постели не хотелось. Все еще находясь под воздействием сна, Сит думал о предстоящих сегодняшних хлопотах. Как-то быстро и незаметно подошел девятый день со дня смерти отца.

Не поднимая головы с подушки, можно было в краешке окна увидеть ту часть двора, где на зелени весенней травы белым пятном выделялся привязанный к яблони бычок.

Старая яблоня, как много всего было связано с ней у Сита! Она почти у самого края обширного двора. Величавая в своем одиночестве, щедрая на сладкие свои плоды, она дарила им, детям, тень в жаркие летние дни.

Отец Сита как-то привез полную арбу белой глины, свалил в огромную кучу у ее ствола, туда же по старым железным трубам он подвел воду. Сит помогал отцу как мог, несмотря на свой возраст — осенью он шел в первый класс.

У отца после ранения на войне не сгибалась правая рука, но делу это особо не мешало. Ближе к вечеру уставший отец, сидя на открытой веранде дома, попивая крепкий чай, чашку за чашкой, наблюдал, как мать Сита месила глину, объясняя сыну, фигурки каких зверюшек она будет лепить. Первая в жизни ребенка персональная выставка состоялась именно под этой яблоней. Сколько их было потом, никто уже не вспомнит.

Дальше — больше. Со временем поднаторевший в лепке Сит соорудил и печь для обжига глины, и тут яблоня помогала как могла. Ее сухие ветки щедро дарили себя жаркому

огню, превращающему глиняные плошки, кувшинчики и чашки из детского развлечения в серьезное бытовое подспорье. Все это пронеслось в голове Сита, пока он наблюдал из окна, как ветер беспощадно обрывал белые лепестки только-только расцветшей яблони.

Холодная весна, несмотря на солнце, холодный ветер разнес яблоневого цвет по всему двору. Зеленый ковер травы весь был усыпан белыми лепестками цветков, похожих на оборванные крылья бабочек.

Вернувшись после службы в армии, Сит хотел продолжить учебу в институте, факультет изобразительного искусства ждал его. Но внезапная смерть матери жестоко изменила их жизнь. Как-то сразу отец постарел, сгорбил, потерял интерес ко всему. А тут и сестры подросли, двойняшки уже заканчивали школу. Да и дел по хозяйству накопилось довольно много. Во многом тяжелое положение спасало ремесло, спрос на глиняные изделия был неплохой. Курительные трубки, тарелочки с росписью и просто безделушки довольно охотно уходили небольшим оптом к торговцам сувенирами, которые разбили целый рынок у древнего храма в соседней деревне. А яблоня заметно постарела, все меньше плодов и все больше сухих веток было на ней. Подвешенные к крепкой когда-то ветке качели уже внушали опасение. Сит не разрешал соседским детишкам кататься на них.

Отец все больше уходил в себя, в свое непреодолимое горе. Боль от потери жены не принято показывать на людях. Он почти перестал разговаривать со всеми, молча уходил с утра в поле, молча сидел у свежей могилы супруги, скуривая одну за другой крепкие сигареты без фильтра, молча возвращался поздно ночью домой.

Сквозь сон Сит слышал, как за стенкой тяжело вздыхал отец. В то мартовское утро Сит встал раньше всех. Стараясь не шуметь, чтобы не разбудить сестер, он вышел на веранду. Было еще темно, но света уличного фонаря хватило, чтобы

Сит увидел слегка раскачивающееся на ветру тело отца, повесившегося на самой крепкой ветви старой яблони...

Пора вставать, скоро подойдут соседские мужики резать бычка. Во дворе разожгут костры, и на круглые треногие обручи водрузят котлы для варки мяса и мамалыги. Непривычный статус — сирота, это когда нет ни отца, ни матери. У абхазов, как правило, не бывает сирот, а есть рано повзрослевшие дети. Сит одевался и думал: почему так быстро пошел девятый день?

ЧУДАК-ЧЕЛОВЕК

(ЧАСТЬ ПЕРВАЯ)

«Укуба сахагылааит» — разве есть у абхазов проклятие, приносящее боль и страдание больше, чем пожелание того, чтобы стоять у гроба недруга?

В голове не укладывается: я — старый дурень, которому уже восьмой десяток пошел, желаю смерти своему самому близкому другу. Шьмаф, единственный оставшийся в живых на сегодня человек, с кем у меня было общее детство, юность, армейские годы, и женились мы в один год, и составились вместе. Дожили, я стою у его гроба, своими же руками этот гроб и сколотил, день работал и ночь всю, вот он и получился на славу. Хороший, ладный, из каштановых досок, ровных, как струна ачангура из конского волоса.

Друг детства называется, я же к нему как к брату всю жизнь относился, а он, старый хрыч, позволил себе оскорбить меня, позором покрыл мои седины. И как у него рука поднялась коня моего огреть плетью, да еще на людях, на свадьбе собственного внука. Хорошо еще, я один это заметил краем глаза, пока его же гостей встречал, как подобает по обычаю, с полным до краев рогом вина. Как говорится, удар ниже пояса. Знал же он, что пока я рог не осушу, мысль о плетке и коне просверлит мое сознание насквозь. Он, видите ли, боялся, что конь, отбрыкиваясь от слепней, копытом заденет новенькую машину его невестки. Бред! Это железное чудовище, покрытое блестящей краской, на самом деле было похоже на огромную черно-зеленую муху, назойливую и противную.

Хороший все-таки гроб получился, добротный. Как-никак, я же к своим похоронам эти доски берег, ну да ладно, для единственного друга не жалко. Как бы аккуратней загрузить на арбу это произведение столярного искусства, чтобы не испортить еще не просохший лак.

Вот проснется Шьмаф, как обычно, рано утром, выйдет на веранду, а тут на тебе, стоит прислоненный к воротам этакий красавец. Представляю его состояние — будто он проглотил тот рог, из которого я вино пил в тот злополучный день!

Ага, доехали! Разгрузил, установил, можно и передохнуть, хотя, вообще-то, согласен: свежесваренное мясо молодого козленка, горячая абыста, утыканная дольками копченого сыра, ну и кувшинчик красного вина задобрят меня, и я прощу этому старому чудаку все его причуды.

Э-эй уара, Шьмаф, выходи уже сюда, это я — Хабуг! Я стою у твоего гроба!

ЧУДАК-ЧЕЛОВЕК

(ЧАСТЬ ВТОРАЯ)

Учудил Хабуг, ох, учудил. Ну да ладно, я его проучу, так проучу, что съеденный им козленок еще долго будет его будить среди ночи своим бляением. А гроб и в самом деле хороший получился, добротный, вот пусть и ждет своего часа на чердаке моего дома, не возвращать же его обратно.

Эгей! Наур! Куда подевался этот неугомонный ребенок?! А ну, бегом ко мне, да побыстрее, внучок!

Звони в Сухум, прямо на телевидение звони, в кабинет, где пишут объявления о смерти. Там наш односельчанин работает, Даут, пусть его позовут к телефону. Да встретит тебя добро, Даут! Новость, к сожалению, у меня не очень приятная, но куда деваться, от жизни уйти еще можно, а вот от смерти никак. Умер мой самый лучший друг, вот и закончились все земные сроки бедного Шьмафа, отмучился агуак. Посодействуй там у вас на работе, чтобы все, кто телевизор смотрит, узнали о нашем горе. Да упокоится его душа, в субботу будем хоронить его, многострадального.

Наур, а ты завтра с утра пораньше сбегай в сарай и сколоть из двух досточек указатель со стрелочкой, указывающей направление. У меня в шкафу рубашка висит черная, ничего не жалко для старого друга, отрежь рукав от нее и намотай на указательную стрелку, что ты соорудишь. Сядешь потом на свой велосипед и крути педали, да поживей. Как подъедешь к развилке, что ведет к дому Шьмафа, присмотри поблизости маленький бугорок, есть там такой, он издали виден. Вот там и вколоти в землю этот траурный путеводитель. Ха-ха! Посмотрим, в какое застолье обойдется этому чудаку встречать всех, кто прибудет на его собственные поминки.

ЧЕЛОВЕК И ДЕРЕВО

День истек, как остатки вина, что не так давно виднелись на доньшке тыквы-акуапеи, просочился сквозь невидимые трещины простейшего сосуда. Есть такой сорт тыквы, непригодной для употребления в пищу, даже свиньи не едят ее содержимого, но отвердевший после просушки и начисто выскобленный плод можно приспособить как черпалку. Вино, которое заливалось в огромные глиняные кувшины, зарытые в землю, предназначалось для особых торжественных застолий, либо как напиток, приуроченный к ежегодному жертвоприношению. Если приделать к тыкве-акуапеи ручку из крепкой грушевой веточки, то лучшую черпалку для вина и не придумаешь.

Старый Хабуг сидел на деревянных ступеньках, ведущих в дом. Он думал о том, сколько поколений его предков жили на этом холме, сколько детишек бегало по этому двору, сколько босых ног топтали зеленый шелк травы, покрывающей, словно ковром, все свободное пространство земли вокруг дома. За домом начиналось кукурузное поле, и уже за ним было старое родовое кладбище. Там и покоились все те, о ком думал сейчас Хабуг. Ему самому было уже за восемьдесят, но и он не знал всех, кто похоронен там. От некоторых могил почти не осталось и следов, неглубокие впадины в земле говорили о том, что когда-то здесь было последнее пристанище кого-то из его далеких предков.

Земля — словно библиотека, где на книжных полках пылится бесчисленное множество фолиантов, а кладбище похоже на картонную коробку, где по известному только библиотекарю порядку разложены учетные карточки посетителей библиотеки.

Вдали от дома, почти у ворот, во дворе росла груша, толстый ствол которой не могли обхватить трое взрослых мужчин. Еще ребенком Хабуг любил собирать падающие с нее плоды. Сбивать их палкой с веток ему запретил дед. Он говорил, что нельзя приносить боль тому, кто делится с тобой своими плодами, будь то дерево или человек — они одинаково чувствуют боль от нанесенного удара. Дерево высохло несколько лет назад, не давало плодов, стояло сухим и потемневшим, почти без веток. Его огромный черный ствол держался за счет невидимой силы корней, канатами переплетенных в земле.

Надо бы срезать это грушевое дерево и распилить ствол на ровные доски. Давно пора уже поменять ступеньки на лестнице, ведущей в дом. Надо бы, но старик никак не мог это себе позволить. Хабугу не давала покоя мысль о том, что чьи-то ноги будут наступать и ходить по доскам, выпиленным из его грушевого дерева, дерева, в ветви которого он даже не бросал камень или палку, чтобы сбить пару-другую сладких плодов.

Люди — те же тыквы, некоторые красивые и статные снаружи, но содержимое их непригодно к употреблению, как у тыквы-акуапеи. А другие — невзрачные на вид, неказистые, но настолько содержательны и интересны, что очень трудно и болезненно расставание с ними. Они — как те тыквы, в которых янтарная мякоть сладка, как мед. Дружить с такими людьми, разговаривать, просто жить по соседству — подобно постоянному постижению житейской мудрости. Люди-тыквы, сколько встретилось их на долгом веку Хабуга. Иные забыты давно, иные — как незаживающая рана, их потеря невозполнима, и время не лечит.

Уже лежа в постели, старый Хабуг услышал раскаты грома, услышал, как тяжелые капли дождя обрушились на крышу его дома. Поднялся ветер. Гроза была настолько сильной, что казалось, само небо обрушилось на двор старика,

молнии, одна за другой сверкая лезвием, прорезали ночь электрическим разрядом. Сокрушительный удар ненастья пришелся под самое утро. Молнией разрубило грушевое дерево, аккурат посередине, и оно сразу же загорелось изнутри, сухой ствол горел очень быстро. Хабуг лежал в кровати и сквозь дребезжащие от ветра оконные стекла смотрел, как горит его грушевое дерево. Если бы он умел плакать, то в его глазах забил бы родник из слез. Старик уже давно забыл, что такое слезы, он не помнил боли. После этой грозы-убийцы Хабуг больше не вставал, он не хотел выходить во двор, ступать голыми пятками по старой деревянной лестнице. Его земной путь был завершен.

ЧЕЛОВЕК И РЕКА

Если горная речушка подпитывается проливным дождем, то становится похожей на самого что ни на есть коренного жителя Абхазии. Она такая же неугомонная и бурная, как разозлившийся абхаз.

Усталый от длительного пути, Шьмаф стоял, плотно прижавшись к стволу дерева. Дождь, казалось, шел уже целую вечность, лил не переставая. Вода некогда прозрачной и спокойной речушки стала коричневой и мутной. Сейчас Шьмафа волновала даже не сама речка и не то, сможет ли он перейти ее вброд и продолжить свой подъем в гору, на альпийское пастбище, где его ждут пастухи. Шьмаф думал о том, почему Всевышний выбрал именно мужское ребро для сотворения женщины, почему ребро, а не, предположим, фалангу мизинца левой руки? Не имея одного пальца, к тому же самого маленького, можно было безболезненно прожить долгую жизнь, а самое главное — появился бы шанс предположить, что из женщины получилось бы более покладистое существо. Нет, это же надо было догадаться — специально вытащить из его походной сумки все запасы сигарет! Зная, что супруг поднимается в горы на месяц, оставить его без курева было жестоко. И все равно, что думает по этому поводу молодой врач, приехавший из города для того, чтобы обследовать приболевшего Шьмафа. Врач порекомендовал больному отказаться от курения и провести как минимум пару недель в горах на строгой диете без чачи, на свежем воздухе.

Лучше бы этот неуч подсказал, когда и где застанет меня дождь. Послушал через блестящий аппарат, как я дышу, приложив один его конец к ребрам, а другой воткнув в свое ухо.

Знает, как вылечить то, что он сам и не видит, а то, что с неба обрушится бесконечный поток воды, он, видите ли, не знает. Ох, уж это хитрое создание! Всю жизнь с ней прожил старик и не подозревал о такой скрытой коварности. Шьмаф ощупывал свои ребра, представляя, как из них Господь лепил женщину. Ошибся, очень сильно ошибся Всевышний, нельзя было мужчину лишать ребра.

Река шумела камнями, которые несла в себе. Видимо, долго еще она не успокоится.

Рядышком в полчаса ходьбы от этого места стоял охотничий домик, туда-то и думал направиться Шьмаф, чтобы переждать непогоду. Как-то неожиданно подло и сильно под ребром слева разгорелся огонь, Шьмафу стало не по себе. Наверное, первый раз в жизни он испытал такой глубокий страх. Сердце нестерпимо горело, хотелось вырвать его из груди руками и опустить в холодные воды горной реки. Дышать становилось все труднее, Шьмаф медленно опустился на землю, силы покидали его, глаза уже отказались видеть. Огонь в ребрах медленно потух, и место этого очага занял оживший лед. Все тело онемело, холодные воды мутной реки наполнили Шьмафа. Смерть нашла для себя новое пристанище.

ДЕРЕВО И РЕКА

— Как вы там без меня жили, Шьмаф? Ты-то неумеха, видимо, и на акупаей ручку приделать не смог. И здесь меня нашел, чтобы домой вернуть?

— Уф гушья, добрался-таки, наконец. Как ты, старый дурень, неужто и здесь уже знают, какой ты медлительный и нерасторопный, Хабуг?

— Когда ты здесь, то спешить уже некуда и незачем. Вот сижу целыми днями и пускаю дым кольцами, хорошо хоть твоя старуха догадалась и без табака меня не оставила, отправляя в последний путь.

— А я-то думаю, куда он делся, вроде, много я нарезал, а найти не смог больше чем на один кисет. Хабуга она, видите ли, снабдила! Ты и вправду думаешь, что без тебя мир остановился и я пришел к тебе за помощью? Ээ-э нет, никогда еще Шьмаф так далеко тебя одного не отпускал, и сейчас надо бы за тобой присмотреть.

— Шьмаф, ты, я вижу, уже разговаривал с архангелами, стоящими у врат поднебесья. Видать, и они повелись на твою болтовню, коль впустили тебя в рай, а не отправили в преисподнюю, где тебе и место.

— Хабуг, я за всю жизнь зла никому не желал, ты же знаешь. Хоть после смерти заслуживаю тишины и спокойствия. Хотя рядом с тобой какое будет спокойствие? Скажи лучше, кто еще здесь находится из наших земляков?

— Так из почивших почти все здесь, Шьмаф. Вот председателя, правда, не видел, помнишь этого вислобедрого умника, который сам себе ногу на фронте прострелил и обманым путем домой вернулся? Вот его-то здесь нет, видимо, и в преисподней заготовкой дров занимается. Много здесь абхазов, Шьмаф, очень много. Из нашего села почти все, кто на

войне погиб, стариков много и молодежи, считай, каждый день кто-то новый появляется. Не знаю, чего вам в земной жизни не хватает, всё спешите мир поменять.

— Эх, Хабуг, когда у человека стол от еды и шкафы от одежды ломаются, а он за всю жизнь и мотыги в руках не держал, кажется ему, что он сам и есть владелец времени, а тут раз — и ловит его нечистый, у него-то капканы везде расставлены.

— А скажи мне, Шьмаф, урожайный ли год выдался, не подвела земля крестьянина?

— А как знать, Хабуг, перестал крестьянин кукурузные поля возделывать, заросли наши делянки, сейчас всё больше на рынке да в магазинах продукты берут, никому труд крестьянский не нужен.

— Да ты что?! И некому уже заставить абхаза землю обрабатывать? Откуда деньги берут на магазины и рынок, неужто воруют?

— Э-эх, Хабуг, старина, все гораздо хуже. В основном все понастроили большие дома и гостей туда пускают, да не просто так, а за деньги, этим и живут. А есть такие, что и гостей грабят, и тех, кто для них дома понастроил, вот так и живут, друг у друга воруют.

— Послушай, Шьмаф, не нашлось никого из оставшихся в живых стариков, кто алабашью свою сломал бы о спины этих бездельников? Когда абхаз с гостя деньги возьмет, придется ему со своей родиной навсегда расстаться. Неужто забыли, что гость от Бога?

— Помнят об этом, Хабуг, не забыли, в книжках это пишут, детей этому в школах учат, только вот когда домой возвращаются, все равно с гостя деньги берут. Видимо, не осталось тех, кто посох может вырезать крепкий из кизилового дерева, а когда нет посоха-алабашьи, как наказать нечестивца? Сам же говоришь, что земляков наших много прошло через ворота рая.

— Да-а, грустные новости ты мне принес, Шьмаф, очень грустные. Думал, я дождусь тебя, да и двинем мы с тобой в обратный путь, расскажем людям, какая река течет между раем и адом, но уж лучше нам здесь остаться. Правы были наши старики, когда говорили: «Будь на том свете плохо, кто-нибудь из абхазов все равно назад вернулся бы».

— Доставай кисет, Хабуг, забьем свои трубки и спрячемся в табачном дыму. Не дай Бог, еще кто меня спросит, как сейчас живут абхазы на своей земле.

ПОСЛЕДНЕЕ ПЛАВАНЬЕ

Джогута принял твердое решение строить плот, и совсем не важно, сможет ли тот держаться на воде, и тем более не имел значения маршрут, по которому можно будет пуститься в плаванье на плоту. Учитывая, что в загробном мире реки не впадают в море, сама эта затея показалась Шьмафу и Хабугу более чем бредовой, но они не могли себе позволить как-либо остановить новоприбывшего паренька из их села. В конце концов, он здесь новенький, и делать ему замечание на виду у всех старожилов было как минимум непатриотично. Логичнее было сделать вид, что они одобряют идею постройки плота и более того, помогут всеми силами юному кораблестроителю, возомнившему себя Петром Великим.

По настоянию Хабуга, Шьмаф вел переговоры с Джогутой по вопросу остаточной прибыли от бамбука, который они с Хабугом будут срезать в ближайшей рощице и складывать на берегу. Дело в том, что по обычаю предков, провозжая покойного в последний путь, в его гроб кладут личные вещи, которые могут пригодиться в загробном мире. Кроме как у Джогуты, по странному стечению обстоятельств, не оказалось в гробу топора. Будто остальные абхазы не любили работать. А без топора, как известно, человеку довольно трудно обеспечить себя самым необходимым, это еще великий русский писатель Достоевский заметил.

Основным условием взаимопомощи стали тоненькие бамбуковые листики, растущие ближе к вершине ствола. Так как табак в этих поднебесных краях не произрастал, Шьмаф и Хабуг приноровились сушить бамбуковые листики на солнце и довольно успешно раскуривали их в своих глиняных трубках. Вкус, конечно же, у этого курева был далеко не такой, как у привычного ранее прижизненного самсуна, в изобилии имевшегося у них при жизни. То, что в

плаванье идут только абхазцы, даже не обсуждалось, благо, здесь в потустороннем мире их было великое множество.

Шьмаф вернулся с переговоров. На лице его, словно пляшущий на рыболовном крючке червячок, извивалась в разные стороны улыбка успешного бизнесмена. Хабуг несколько не удивлялся радости своего старинного дружка, он знал, что Шьмаф смог бы уговорить не только простачка Джогуту, но при необходимости и архангела Гавриила, распределявшего новоприбывших покойников по их заслугам в рай или ад.

Шьмаф уже подсчитал, сколько бамбуковых стволов нужно будет срезать и доставить на «верфи» Джогуты, сколько мешков, плотно набитых молодыми бамбуковыми листьями, достанется ему с Хабугом, и соответственно уже прикинул в уме, кому из местных жителей и за какую плату продать излишки.

Работа спорилась. Джогута проявил недюжинные способности в области плетения стволов между собой, используя для этого папоротник, который густо покрывал все пространство земли между растущими бамбуками. Хабуг и Шьмаф, привыкшие к физическому труду еще при жизни в своем селе, доставили целую гору материала к берегам реки. Самое интересное ждало всех обитателей рая в самом финале постройки. Плот получился на славу, прочный и ровный, со всех сторон идеальный шестиугольник, в центре которого Джогута выстроил маленькую пацху, наподобие той, которую плели из родендрона крестьяне его села. В ней удобно могли разместиться пять-шесть человек и можно было комфортно провести ночь, раскуривая трубки, набитые бамбуковыми листьями. Плот был готов к плаванью, но именно это и волновало Хабуга. Все, конечно, складывалось хорошо: во-первых, можно будет нескучно провести время, наслаждаясь красотами рая, уже на плаву, во-вторых, наконец-то, Хабуг избавится от назойливых соседей своего нового постоянного местожительства. Ведь единственный минус проживания в раю — это невозможность поругаться с кем-либо

из его обитателей. Даже Шьмаф, его постоянный соперник в словесных дуэлях, смиренно улыбался в ответ на его колкости. Не говоря уже о том, что все остальные, так скажем, «земляки» были подобраны по их прижизненному благочестию, и дурного слова себе позволить никак не могли, даже подвергаясь насмешкам Хабуга.

Ночь перед отплытием прошла в раздумьях. Хабуг никак не мог сообразить, к какой именно конечной цели поведет свой плот Джогута. Шьмаф задержался на «верфи», помогая юному капитану монофлотилии с последними сборами, заодно подыскивая сухой угол в пацхе для мешков с курительной смесью.

Наконец-то, к утру, когда от бессонницы глаза Хабуга приняли цвет угольков, тлеющих в очаге, появился Шьмаф. Подсев к другу поближе, он, озираясь по сторонам, шепотом завел разговор. Выяснилось, что Джогута оказался не таким простачком, как они думали. Отплытие назначено на следующий день, и что самое главное, на плот не берут никого, кроме них самих. И наконец, самое главное — Джогута вознамерился составить конкуренцию самому Харону. Он решил плыть выше по течению реки Стикс и открыть альтернативный маршрут в подземное царство, чем и будет способствовать всем своим односельчанам, закончившим земной путь, а Шьмаф и Хабуг будут ему в этом помогать. Такой развязки, конечно, Хабуг не ожидал. Вот так молодец, вот настоящий абхаз, этот Джогута, хоть и после смерти, но сделает все возможное для того, чтобы все абхазы стали сплоченнее.

С этой жизнеутверждающей мыслью уже под утро Хабуг заснул крепким сном благочестивого старца.

P.S. Если кого-то из читателей смущают разночтения в религиозной составляющей данной истории, то смею всех заверить, что после того как человек «сменяет мир», все существующие религии, словно многочисленные горные ручьи, сливаются в одну мощную и чистую реку.

ПЕРСТ

Только Всевышний знал, сколько лет длилось одиночество, как долго лил дождь. Бессчетное количество капель, падающих с неба, проникающих в сознание сквозь прищуренные от близорукости глаза. Жажда дождя мощным водоворотом поглотила людей. Все ждали прихода стихии, смывающей остатки романтизма и очищающей от жесткой корочки идеализма на душе.

Словно палец невероятных размеров, огромный и одинокий, этот камень украшал собою высокогорную поляну. Летом пастухи пригоняли сюда стада коз, жадно поедающих сочную траву альпийских лугов. Блудливый взгляд этих одомашненных шайтанов никак не беспокоил белоснежный каменный отросток, заброшенный сюда в незапамятные времена руками мифических Нартов, свидетелей и участников битвы между темными и светлыми силами. Никто из людей, приходящих сюда уже много лет подряд, не знал, почему эта пастушья стоянка была обозначена как место смерти агыруа. Кто он и чьим слугой был тот, чей жизненный путь оборвался у этого скалистого пальца?

Дождь лил бесконечно долго, беспощадно обстреливая градом все высокогорье. Ливень длиною в лето породил мощные потоки воды, которые подмывали землю под исполином, и он не выдержал испытание небесных сил. Основа, кажущаяся несокрушимой, была подмыта, каменный палец наконец-то обрел долгожданную свободу забвения. Скатившись в долину, он затерялся там среди себе подобных, стал как все, пополнив собою ряды сокрушенных некогда воинов-нартов.

Козьи бороды, шевелимые ветром, когда-то давно породили страх исчезновения у мифических карликов, живших здесь в древности. Вестники кары небесной, они взглядом зарывались в зелень травы, пряча в ней способность пророчества. Пастухи, проснувшись от непривычной тишины задолго до рассвета, оцепенели от страха, оглядывая пастбище. Они поняли, что пора спускаться домой. Горы устали от присутствия камней и людей на своем теле. Пришло очищение водой, так долго лившейся с небес.

ЗАБЫТОЕ

Научно-технический прогресс как явление появился у абхазов гораздо раньше, чем само его определение.

Еще в детстве мне приходилось пользоваться круглыми деревянными лыжами, переплетенными ремешками из сыромятной кожи. Очень практичное приспособление для протаптывания тропинки в глубоком снегу. Такого рода технологии применялись не только среди народов Кавказа, и, наверное, в этом нет ничего сверхординарного, если не учитывать того, как таковая конструкция попала к нам, причем даже в самые отдаленные горные села.

В данный момент нет необходимости делать полный экскурс в огромный пласт народного творчества. Хочется лишь отметить как деталь некую вещицу, поразившую меня своей исключительной изобретательностью, это — очки. Самые что ни на есть настоящие солнцезащитные очки, изготовленные из тонкой деревянной пластины. Крепились они так же, как и лыжи, ремешками из сыромятной кожи. Конструкция гениальна по своей простоте и одновременно функциональна. Два небольших деревянных кружочка с небольшой горизонтальной прорезью посередине. Применяли такие очки в горах, где в условиях вечных снегов солнце нещадно отсвечивало в глаза, и постоянное прищуривание доставляло определенное неудобство путнику. Надев такие очки, можно было не щурить глаза, той полосочки света, что проникала сквозь щель, было достаточно для необходимого обзора пути.

Воистину гениальное изобретение, оно заставило меня задуматься. Абхазы всегда искусно изготавливали предметы кухонного обихода, из разных пород дерева и кости вырезали всевозможные плоски, кружки, двузубчатые вилки,

ложки. При этом основную свою пищу — акуд и абысту, ели руками, при этом использовали не более трех пальцев. Независимо от сословия, будь то князя или свободные крестьяне, эту данность никто не нарушал. Именно в этом я и вижу основы связи между отдельно взятым этносом и мудростью, берущей свои корни от Земли. Руки всегда содержали в чистоте, впрочем, как и все тело, соответственно и речь абхаза была чиста и понятна, чего, к сожалению, сейчас не наблюдается.

Одел путник такие очки и понял, что мир снаружи — это строгий лимит солнечных лучей, выделенных Всевышним для того, чтобы рассеять тьму в его (абхаза) душе.

УТРО

Смена поколения выразила себя новведенным словом «Брехаловка». Старое и привычное для нас название кофейни «У Акопа» кануло в прошлое так же незаметно, как и многие наши сверстники, ушедшие в мир иной тихо, не беспокоя никого, кроме близких друзей и родственников.

Впрочем, время от времени летнее утро подбрасывало завсегдатаям прибрежной кофейни сюрпризы в лице пьяных философов. Если быть до конца честным, то пищей их философии была не всегда водка. Зачастую это была обычная марихуана, а иногда и более сильные наркотики. Самое интересное, что организм данных аксакалов-кайфариков уже не нуждался в каком-либо подпитии извне. Будучи трезвыми, что случалось довольно редко, их мозг работал все в том же ключе детального познания загадок бытия.

Сегодня у старого причала появился очень редкий гость. Лет ему было около пятидесяти, безупречно одетый представитель сухумчан поколения семидесятых-восьмидесятых. Толстенные стекла очков выдавали его пытливым в прошлом ум и незаурядные способности инженера-строителя, недоучившегося в одном из лучших вузов Москвы. В свое время на пути его познаний в области строительства инженерных сооружений встала соблазнительная преграда посещения ресторанов и бесцельных прогулок по Арбату. Денег, высылаемых ему родителями из Сухума, стало не хватать на праздную жизнь, учеба была оттеснена на второй план, и способом зарабатывания на жизнь стали карманы ротозеев в метро и трамваях. Конечно же, в один прекрасный день это и привело нашего горе-студента в отделение милиции. Срочное вмешательство родственников, приехавших в Мо-

скву со значительной суммой денег, превратившихся почти моментально в стандартную взятку, избавило москвичей и гостей столицы от неудачника-инженера. Та же причина вернула в Сухум еще одного ее блудного сына.

Множество санаториев, домов отдыха, практически круглодичное лето никак не способствовали трезвому существованию, и наш студент решил познавать философию жизни сквозь призму увеселительных заведений, шумных компаний и удорожающего сознание дыма каннабиса.

Вторая чашка моего кофе была приправлена общением с этим добродушным человечком. По большому счету, вреда он никому не наносил, спокойно выпивал парочку бутылок очень крепкого пива, именуемого в народе «девяткой», и выходил в город. Подсев ко мне за столик, он осветил все пространство вокруг добродушной улыбкой созерцателя действительности и, выдержав идеальную паузу, рекомендованной еще Станиславским, задал вопрос.

— Вот мы строим мост, все строим, давно. А зачем? Реки-то уже нет, пересохла, осталось лишь обнаженное русло, полное белых камней. Зачем нам мост через несуществующую реку?

ЖИЗНЬ — СУДЬБА ОРЕХОВАЯ

Не растает просто так акакан со своими плодами-сыновьями, пока не запустить в его ветви крепкую палку или вовсе не взобраться и раструсить их силой мужской руки. Разные они все, одни пока еще в темно-зеленой кожуре, другие уже в иссохшей и черной, как буйволиная шкура. Крепкие, жадные, как материнское дерево, они в свою очередь не расстаются со своими янтарными ядрами. Это какой же камень нужен, чтобы разрушить природой созданные латы, и не один, два камня, словно молот и наковальня — вечные полюса силы.

Но это потом — удар, разрушающий крепость, а пока сотрясение веток, повлекшее падение плодов на землю. Вездесущие торпедообразные свиньи, этакие бескрылые падальщики, организовано сбегаются под кроны огромного дерева, но редкая из них отважится раскусить орех, даже в свином мозгу появляется страх обламывания резцов. На изумрудном ковре нескошенной травы и даже в густых зарослях колючей ежевики, черные глазенки которой хитро поблескивают на солнце, везде разбросаны орехи. Некоторые из них, еще висят на ветках, получили свою долю смертоносного удара брошенной человеком палки, вследствие чего черная кожура, покрывавшая скорлупу, отлипла. Процесс избавления от шкуры подобен тому, на который змеи тратят мучительные часы трения о камни, но здесь все происходит мгновенно и практически безболезненно. Много орехов, очень много, и все как один лежат и ждут своего часа, уже оглоушенные, без движения, но пока что живые и ждущие своей последней схватки с камнями. Там, в уюте материнской кроны, они все были разные по форме и степени зрелости. После первого же проигранного боя плоды акакана ста-

ли разными, на некоторых даже потрескался панцирь, и они стали похожи на маленькую модель безногой и безголовой черепахи.

Жилистые, мозолистые руки крестьянина, такого же коричневого оттенка, как и мускулистые корни орехового дерева, проворно шурша в траве, собирали всех поверженных бойцов в плетеную корзину-акалат, наполняя ее огромное чрево до самых краев. Только он один, хозяин земли, не боялся ничего, он подчинил себе силу молота и наковальни, он — крестьянин, был полноправным владельцем скрытого от всех орехового ядра. Великий уравниватель ореховых судеб, напоследок он припас самое коварное оружие — каменную ступу, в которой, перемальвываясь, заканчивали свое существование ореховые ядра, превращаясь в желеобразную пасту.

ПУСТОТА

Брат, столик помнишь во дворе, под навесом? Ты с отцом нашим вместе ладно так его сколотили, вместо скамеек пеньки большие поставили. А помнишь, как ты с мастером-бондарем чан из липовых досок обручами железными окольцовывали? Который потом не влез в дверь, не смогли его в погреб протащить, пришлось разбирать и вновь уже в самом погребе собрать? Когда вспоминаю эти дни далекие, кажется, что наши голоса до сих пор звучат в отцовском дворе. Самого дома-то уже и нет, а голоса наши там остались, живут своей звучной жизнью, переключением звонким. А у тебя уже внук есть — Леон, забавный такой, смотрит своими младенческими глазами на мир и смеется. Криком провожает отца своего, когда тот на работу уезжает, оба они в тебя пошли, улыбочивые.

Тот октябрь, в котором ты ушел, дождливым выдался, ливень не унимался несколько дней. Много ребят с того боя не вернулись живыми, наверное, около тридцати. Городок-то у нас небольшой, все на виду. Казалось, если пролететь над ним птицей в те дни, то упал бы без крыльев, как пулей сбит — плачем. В каждом дворе кого-то оплакивали, да чего я рассказываю, вы все тогда еще с нами были, над горем нашим возвышались. Твоему сыну только третий годик шел, ничего он не понимал, конечно, но не беспокоил никого своим поведением неугомонным, как обычно. Наверное, горе постигается независимо от возраста, на уровне подсознания.

А мы как уехали после войны, так и не подходили к той беседке и не сидели больше на пеньках. Больно возвращать-

ся туда, где тебя больше нет. Все на месте, а тебя нет, зачем давать пустоте силу? Пустота, она своей жизнью живет, мы — своей. И в погреб не спускались больше, вино уже никто не заливает в чан, он так и остался стоять в пустом погребе. А кто же его разберет, чтобы вытащить? Да и зачем, ведь через столько лет разобрать и собрать по порядку дощечки из липы невозможно. Рассохся чан, все равно не удержит вино молодое, прольется сквозь щели.

ДОБРОГО УТРА, СТРАНА!

Как можно столько времени уделять кофе, если ты не бариста, или, как принято говорить у нас, — кофевар? А вот можно. Самое лучшее время для первой чашки — это утро, если быть точным, то это еще даже ночь. Темно, до рассвета еще как минимум час или два, в доме все спят, спят даже птицы на улице. Именно первую чашку для себя надо сварить самому. Стараясь не шуметь, закрыть за собой дверь, оставить за спиной спящее человечество. Пробраться к кухонной плите сквозь дебри собственного сна, неохотно покидающего разбитое по кусочкам сознание.

Существует множество рецептов, секретов, каких-то сверхъестественных примет, которым, вроде бы, необходимо следовать от самого начала до конца процесса кофеварения и кофепития. На самом деле, мне кажется все это второстепенно. Самое первое, что надо сделать, это выпить натошак стакан некипяченой воды. А потом просто берется чайная ложка с горкой коричневого порошка, сахар по вкусу. Засыпается все это в джазве, наполняется холодной водой и ставится на очень медленный огонь. Не перемешиваем! Ждем секунд пять — время, за которое вытаскиваем из пачки сигарету и прикуриваем ее. Вот только тогда, слегка помешивая уже прогретый напиток, делаем пару глубоких затяжек.

Тут важно заметить, что плита на кухне должна быть расположена максимально близко к окну, а окно обязательно должно быть открыто. Как жители городские, мы, конечно, сразу же исключаем открытый огонь. К великому моему сожалению, с этой данностью пришлось смириться.

Так вот, на чем я остановился? Ах да! Сигарета! После первых двух затяжек извлекаем из медного сосуда ложку, доводим содержимое почти до кипения, в буквальном смыс-

ле слова провожая его глазами до краев джазве. Как меня учил когда-то давно легендарный Акоп: «Сливаем первую часть кофе в чашку». Оставшуюся часть доводим до кипения и только потом доливаем ее в чашку. И вот сейчас самое главное — ни в коем случае не позволяйте людям нарушать ваше молчание при употреблении первой чашки кофе. Исключения составляют лишь дети, которые обычно в такую рань еще спят. Пусть шумят, коль уж проснулись, значит, с детства уже учатся жить правильно.

С каждым глотком этого ароматного напитка вы входите в собственное одиночество, как в море, плаваете в нем, купаетесь в собственных мыслях, воспоминаниях, мечтах.

Кто как хочет, кто как любит — неважно. Можно чередовать обжигающие глотки ледяной водой. Я, кстати, тоже люблю этот прием, почему-то называющийся греческим вариантом.

Главное — насладиться тишиной еще не наступившего дня. Предвкушая момент пробуждения птиц, ждать восхода солнца, наблюдать, как свет побеждает тьму, осознать свое единение с природой, просто жить.

Вот так вкратце об утреннем кофепитии...

Доброго утра вам, Человеки!

И ничего, что сейчас два часа ночи, мы-то с вами готовимся к следующему дню, к множеству следующих дней, называемых жизнью.

РАЗМЕР МЫСЛИ

Был ли гнев?

Боль, обида, любовь — всё было и смешалось. Всё людское — и гнев, он тоже от него, от человека. Каждый шаг — удар по страстям, молоточки в глазах бьют, отсчитывая время. Не видно даже пыли, молоточки, смоченные кровью, и потом всё стучат и стучат, обгоняя биение сердца. Бесконечен путь сквозь гул и шум толпы, а внутри тишина. Душа наполнена тишиной, взывающей к небу.

— Прости их, Отче, ибо не ведают, что творят...

— Неси людскую боль на своих плечах, сын, это груз, который взвалит на себя каждый смертный.

— Прости их, Отче, ибо не ведают ...

— Каждый удар молоточка в твоих глазах — завещание им.

— Прости их, Отче...

— Кровью и потом твоим будет наполнена Любовь и Боль людская

— Прости... Нет гнева. Исыякло во мне все, что от чело- века.

АДАМ

Город был пуст, ни одной живой души. Последние дни осени сорвали все листья с платанов. Сорвали и при помощи ветра разбросали по тротуарам и проезжей части.

Машины, такие редкие на четвертый месяц войны, аккуратно прижимали опавшие листья, похожие на человеческую ладонь, к асфальту. Некоторые просто прилипали к шинам авто и смешно шуршали.

Дворники уже давно не выходили подметать улицы города. Предрассветная тишина сменялась серостью наступающего дня, так в природе звук уступал место изображению.

Нас двое, и нам чуть больше двадцати лет. На двоих одно охотничье ружье, патронташ с картечью и самодельные гранаты. Мы возвращаемся с дальнего поста, расположенного в низине у реки, при самом въезде в город.

Страшно и непривычно идти по родному городу и не встретить ни одного знакомого. Наш город не спал, он затаился, как готовящаяся к прыжку кошка. Город в горах готовился встретить новый день войны. Напряжение чувствовалось во всем, оно висело в воздухе, как облако над вершиной горы. Туго натянутая струна горя и мытарства жителей чувствовалась даже в слабом шевелении голых платановых веток.

— Когда закончится война, покрестишь меня? Будь моим крестным отцом.

— Какой я тебе отец? Я всего лишь на год старше тебя.

— Покрести, в этом нельзя отказывать.

— Хорошо, доживем до конца войны — и там видно будет.

Адамур вдруг резко вскинул руку и показал мне маленькую черную точку в небе. Точка быстро увеличивалась, и за нею нарастающим гулом набирал силу противный и страшный гул. Точка превратилась в самолет. Где-то внизу живота начало холодеть, ноги стали ватными, собственная беспомощность обрела очертания быстро надвигающейся смерти.

— Давай быстрее забежим в подъезд дома!

— Зачем? Спрячемся в подвале.

— Бесплезно, если бомба попадет в дом, то и подвал не спасет. Сядем лучше здесь, на бордюру, пусть лучше здесь нас уььет, чем в темном и сыром подвале среди крыс.

Казалось, что снаряд летит на наши с ним головы. Пронесло, он упал и взорвался в районе вокзала, а это далеко от нас.

Война закончилась, прошло несколько лет, я вернулся в Сухум. Зимний вечер, электричества нет, дома топим дровяную печь. Этакий мини-очаг, собирающий вокруг себя всю семью. Стук в дверь, открываю — на пороге Адамур.

— Адамур, откуда ты так поздно? Проходи, как раз садимся ужинать.

— Сяду, я голоден с дороги, добираюсь с Илора. В храме был, крестился я сегодня. С сегодняшнего дня ты мой крестный отец.

— ...

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Желтоватый свет уличных фонарей порождал мистические тени. Улица шла в гору, а может, и с горы, смотря в какую сторону был обращен припаркованный автомобиль. Полуосвещенная улочка, и почему-то лишь по одной стороне. Снующие вверх и вниз машины, люди. Бесформенные и расплывчатые очертания внушили мне страх слепоты. Через миг понял, что просто очки сползли на кончик носа. Придвинул их к глазам, очертания городской жизни сразу же стали более отчетливыми. С привычной уже глухотой на правое ухо — таким образом не помочь. Придвинуть нечего к барабанной перепонке.

Чувство голода плавно трансформировалось во внутриутробное урчание, напомнившее о том, что есть дом. С годами понимаешь: дом — это лишь надежда на встречу с самым важным гостем — смертью. Не хочется встретить ее вне собственных стен. Липкая духота августовской ночи назойлива, как мошки над болотной тиной, так и норовит запеленать тело в саван. Жизнь традиционного абхаза вообще по сути своей схожа с коконом, из которого выбираешься со дня собственного рождения и вплоть до последнего вздоха. Почему акцент на традиционности? Нетрадиционность на сегодня одинакова для всех наций, в ней уж точно нет границ.

Ночью даже свет приближающихся фар обретает некую зловещую форму. Горящие в темноте глаза. Расплывчатые точки, несущие в себе агрессию неминуемого приближения. Вне фокуса. Наверное, опять очки сползли на кончик носа. Пусть, там им и место.

СМЕРТЬ ФАЗИЛЯ ИСКАНДЕРА

Сейчас, когда мы смотрим в зеркало, наше отражение отличается от оригинала. Так мы «стоим в сегодняшнем времени». И это отнюдь не качественное ухудшение самого времени и не искажение самого зеркала. Это мы стали другими, не такими, какие есть в реальности.

Фазиль ушел в тот день, в который много лет назад ушел и Экзюпери. Два волшебника с душой ребенка, они оба воплотили в себе один из главных заветов Христа — «Будьте как дети, ибо в них Царство Божие». Создавать в сознании каждого из нас мир — такое дано не каждому. Беда современного человека в том, что уже сегодня некому будет внести что-то новое в этот мир.

Вместе с Фазилем ушла эпоха детской чистоты и непосредственности в мировой литературе. Эпоха мудрости, которой так щедро делился со всеми Искандер. Мир принадлежал ему, и он всецело принадлежал всему миру. Реальность и отражение его литературных героев были идентичны во всех смыслах. Проза и стихи Искандера были самой честной и надежной Стоянкой Человека.

01.08.2016

ПРИКАЗ

...Не оглядываясь назад, идти. Ах, как сильно притяжение прошлого, оставляемого за спиной. Какими родными становятся лица, исчезающие вдаль. Как сладко чувство родного дома, сколько силы в нем, защищенности. Надо идти, тащить на собственных плечах груз ошибок, обман мечты, ложь веры в людей.

Сколько было разговоров, споров о будущем, каждому казалось, что прав именно он. Думая о том, как и что будет через четверть века, казалось, вечность пропастью лежит между молодостью и зрелостью. По сути-то ничего не меняется, приходят новые люди вместо тех, кого забрало время. Память ослабевает и уже не держит в кулаке некогда любимые и близкие образы. Новые художники рисуют новые картины, неизвестные доселе поэты создают свои творения, даря их молодому поколению. Только земля остается прежней, основа всех основ. Прощаясь с одними домами, она радуется рождению новых.

Идти по земле, не ощущая голыми пятками ее космическую округлость. Верить в то, что, каждый раз уходя, ты приближаешься к новой встрече. Земля поглощает в себя любое горе, хранит в себе боль каждого. Познание себя через постоянное движение вперед — физический и моральный путь. Разность целей идущих рядом попутчиков питает силой того, кто умеет разговаривать с самим собой.

Идти.

Не оглядываясь назад, идти.

«WALKING»

— Уходишь. Ты всё-таки подумал и решил уйти?

— Да, ухожу.

— К ней?

— Да, она моя. Я ждал ее много лет. Я знал, что не смогу без нее тогда, когда она, наконец, появится в моей жизни.

— Она никогда не предаст тебя, иди. Уходи.

— Она жила во мне все это время, пока я был с тобой, не ревнуй и не плачь. Она такая же, как и ты, и она тоже любит меня.

— Она не предаст тебя, не уйдет к другому, когда-нибудь она просто перестанет жить в тебе.

— Знаю, нет ничего вечного. Когда-нибудь я всё равно должен буду остаться один на один с тишиной.

— В твоём прошлом нас будет двое — она и я. А как же твои стихи, твоя проза? Кому оставишь их?

— Они молчат, какая разница, где им молчать — на рабочем столе или в зеленой папке? В них всё моё молчание, я оставляю и его.

— Наверное, из тебя получился бы хороший художник, если молчание можно было бы нарисовать.

— Мир и без меня полон хороших стихов и прекрасных картин, я ничего нового не дал этому миру.

— Оденься теплее, осень. Не забудь свои очки и сигареты, а она уже в тебе, я вижу.

— Спасибо, не забыл.

— И не снимай наушники, иначе она уйдет от тебя.

— Она во мне, она со мной. Прощай.

— Подожди, ты не логичен.

— Неважно, собственное мнение не имеет логики...

Он сменил трек и растаял в сентябрьской ночи.

ДВОЕ

Она ходила за ним по пятам. Когда он заходил в кафе и брал себе чашку капучино, она садилась за соседний столик, так, чтобы обязательно видеть его. Он пил свой кофе, а она доставала из сумки мятую тетрадку и что-то быстренько в нее записывала. Время от времени они смотрели друг на друга, и тут рождалась их совместная улыбка. Смутьившись, она копошилась в своей сумке, громко роняя мокрый зонт на пол, а он брал кусок сахара со стола и скармливал его белой собаке с пластиковым ошейником цвета гнилой клубники. Он — образец интеллигентности, она — обычная городская сумасшедшая.

Так и прошла долгая и дождливая зима. Весной он ушел на тот берег, и она как-то незаметно для всех исчезла из этого провинциального городишка. Белая собака перестала ходить в прибрежное кафе, в котором когда-то ее подкармливали сахаром.

БЕССОННОЕ

Почти четверть века прошло, а память все-таки выдает реалистичным воспоминанием один и тот же эпизод войны.

Ткуарчал, начало осени, больничный двор, залитый ярким солнцем. Много людей, медсестры, врачи, ополченцы, просто горожане всех возрастов. Прошедшей ночью у села Тамыш был бой.

Противный и оглушающий рев грузовиков, тарахтенье тракторов, раненых все везут и везут, только и успеваем подносить носилки. На бешеной скорости подъезжает «ЗИЛ» с высокими деревянными бортами синего цвета. В глубине кузова видно молодого парня, который, сидя на коленях, обнимает раненого, кругом кровь, много крови. Видно, что всю дорогу тот еще был жив и испустил дух всего несколько минут назад. Судя по истошному крику, пущенному в небо, как выстрел, погибший и тот, кто держал в своих руках его голову, были братья.

До сих пор не могу понять происхождение пара у машины в утреннем воздухе. То ли отсыревшие за ночь доски, из которых были сколочены борта грузовика, так просыхали на солнце, то ли пар шел от лужи свежепролитой крови раненых, лежавших в кузове.

ОЖИДАНИЕ

Каждый вечер она готовила абысту для своих мужчин — мужа и двух младших сыновей. Каждый вечер она делала на одну порцию больше, чем количество членов семьи, собиравшихся за ужином.

— А вдруг придет гость, его доля всегда должна быть.

Гость не приходил. А может, где-то в глубине души она каждую ночь ждала возвращения своего старшего сына?

Наутро она разламывала холодную абысту на мелкие кусочки и перемешивала их с кислым молоком. Завтрак для ее младших мальчиков состоял из доли не вернувшегося домой старшего сына.

ВЫХОД

Утреннее море — как одеяло, раскинулось вязкой гладью и лижет берег. Первым вышедшим в этот день был рыбак, скрипом ворот нарушивший тишину. Это был знак для чёрного пса, который суетливо сопровождал его на пути к берегу. Лай прогонял темноту. Большебрюхие лодки, старые и новые, деревянные и алюминиевые, сползали к воде. Человек-рыбак считал собственные шаги. Уже много лет подряд он выходил из дому к морю, и ни разу количество сделанных им шагов не повторялось. Длина пути всегда разная, этот старый и черный пес каждый раз сопровождал своим лаем лодку, которая медленно ползла к морю. Тревожная рябь дрожью пробежала по водной глади, море испуганно проснулось, в него занозой вошло инородное тело рыбацкой лодки.

Пес остался ждать на берегу. Скрестив передние лапы, положив на них свою мордашку, уперся умным взглядом в едва различимую полоску горизонта, к которой уже направился его хозяин. Жизнь собаки посвящена одному мгновению — дождаться возвращения человека. Стайка рыбешек, которая носилась спиралью почти у самого берега, предупрежденная дрожью испуганного моря, уже уплыла. Еще на один день своей жизни они останутся нетронутыми, живя в чреве моря. Лодка, медленно скрипя веслами, уходила все дальше от берега, и пес видел лишь маленькую точку, которая растворялась вдали. Солнце вставало из-за гор и приступало к своему всевидящему дозору. Мир оживал под солнцем просыпающимися людьми, автомобилями, детьми, объятий которых ждало море.

Встать своей лодкой над непуганой стаей и забрасывать жало крючка в огромную семью блестящих серебром чешуи

рыб. За всю свою жизнь он несчетное количество раз вылавливал рыбешек, а стоя так и не чувствовала потери в бесчисленном своем семействе.

Полдень набирал силу, солнце над головой человека-рыбака прогнало тень, садок был полон добычи, удочки уже мирно расположены на дне лодки, а он все стоял и молча глядел в воду, на свое расплывчатое отражение. Весла, словно лопаты, воткнутые в землю, беспомощно погрузились в море. Лодку уносило течением в открытое море. Человек думал о своем черном псе, который будет ждать его. Ждать, пока его собачье сознание будет помнить о том, что человек-хозяин ушел в море.

На берег он не вернется уже никогда. Он не уходит в небытие, он выбрал путь, по которому за ним никто не пойдет. Путь в другое измерение, путь в одиночество.

ПРИРОДА ИНТУИЦИИ

В горах осень приходит, когда в небе летают стаи коршунов, высматривающих свою добычу на оголенных кукурузных полях. Мне было лет 12–13, надо было убрать с поля торчащие кукурузные стволы, оставшиеся после обрезки при сборе урожая.

Для меня, городского по сути подростка, все прелести деревенской жизни начались тогда, когда мой отец решил вернуться к земле. Впрочем, он с ней и не расставался, так как был горным инженером и 35 лет проработал шахтёром.

Видимо, сказалось природное стремление абхазов к непосредственному прикосновению к матушке-природе, да и долг хотелось вернуть (столько лет опустошать недра, отделяя уголь от земли, — это все равно что в долг брать).

Так вот, убираю я эти злополучные кочерыжки, а рядом со мной на своих полях работают два моих соседа, обоим уже под 70 лет — патриархально-энциклопедические старцы.

Как и принято в нашем обществе, эти два мудрых и житейски опытных старца не очень-то ладили между собой. Догадываюсь, что причиной тому была импровизация разговорного жанра их жён. Огород одного из них располагался на крутом склоне слева от меня, а поле другого — справа и чуточку ниже, а так как глупые курицы, не подозревающие о средствах камуфлирования, в своих больнично-белых одеяниях пытались выклевать червей из почвы (тоже своего типа шахтёры) и путались под ногами, то в целях защиты их от летающих монстров (коршунов) нам необходимо было держать под рукой ружьишко.

Стремительность падения коршуна, увидевшего свою жертву, завораживает. Превращение полёта из стадии свободного планирования в атакующее падение свойственно

лишь им — князьям неба. Находясь на самой середине склона, стрелять вдоль него — не самая удобная позиция. Это, конечно же, понимал старый охотник, но и даром отдавать несущку не хотелось.

Выстрел, промах. Мы с соседом справа наблюдаем. Я бросаю взгляд в сторону старшего, ловлю миг одобрения в ответ, и теперь мой выстрел. Коршун убит, курица ранена, но спасена. Свист — так сосед всегда звал свою жену, дабы не беспокоить её по имени, данному когда-то родителями. Корни такого обращения идут, видимо, из уважения к давно почившим тестю и теще.

— Эй! Разведи огонь в очаге и позови этого дармоеда, который чуть не застрелил мою курицу (это он про меня и про меткий выстрел), сядем обедать.

Моя мотыга приняла идеально горизонтальное положение, чему и я и она были безмерно рады.

— И друга своего позови, — услышал я, уже перелезая через забор. Улыбка легкой дрожью пробежала по моим губам, мне было приятно ощутить, насколько хлебосольность абхаза превышает закоренелых обид.

Уже находясь на хозяйском дворе, слышу:

— Зарежь другую курицу, старая ворчунья! Та, которая ранена когтями коршуна, — не наша доля.

Не буду долго утомлять читателя подробностями нашего застолья, скажу лишь, что между двумя старцами довольно трудно быть одновременно и парламентёром, и достойным сотрапезником. Мне пришлось, выслушивая одного, передавать тосты другому. Причем все втроём мы даже не подавали вида, что, сидя за одним столом, двое из нас даже не разговаривают друг с другом. Политика молчания — наверное, архитрудное искусство дипломатии, но всё это нюансы. Смысловое зерно во всей этой ситуации — право первого выстрела, а оно не за тем, у кого острее глаз или выгодная для стрельбы позиция. Первый выстрел за тем, кто по праву

возраста, житейского опыта и мудрости решает — лишать ли жизни того, на кого нацелено оружие. Осознание этого есть в каждом из нас. Может, это и есть генетический код, именуемый Апсуара?

Сама по себе осень сродни фруктовому дереву. За три месяца успевает нарядиться в золото, сверкнуть богатством плодов и оголиться потом до неприличия сухих веток. Нас трое — два старца и юноша... были.

Старцы давно уже в мире ином, да и я далеко не юноша, а память все держится в моем сознании сухими кукурузными кочерыжками. Ждет моя память своего часа, ждет мозолистую крестьянскую ладонь, которая впечатает меня горсткой земли в вечность.

ЖИВОПИСЕЦ

Дзар — конечно, уникальный мастер. Таких, как он, — единицы на всем Кавказе. Кузнец, оружейник, про таких старики говорят: «Когда он родился, Всевышний посмотрел в его сторону». Уникальный, но, как и все люди одаренные, со своими странностями, молчаливый и какой-то угловатый. Не было в нем мягкости — ни в разговоре, ни в поведении, разве что была мягкая кошачья походка, невозможно было понять, откуда он появляется, неслышно и совсем незаметно. Сначала в глаза бросается огромная жестко-волосатая борода, а потом — глаза, горящие живым огнем. Его к тебе расположение ощущается в рукопожатии. Если он долго не отпускает твою руку, держа ее в своей мозолистой ладони, значит, сегодня он расположен миролюбиво.

Странность Дзара заключается в том, что он разговаривает со своими инструментами, как с живыми людьми, скорее, как с шаловливой детворой. Своих детей у него нет, учеников он не берет. Его дети — это весь кузнечный инструментарий. Зачастую он ругает свои инструменты, говорит, что они прячутся от него, отлынивают от работы. Со стороны это выглядит довольно причудливо — сидит за верстаком этакий строгий дядька, у которого время от времени шевелятся губы и который по многу раз притрагивается к рабочему инструментарию, почти как хирург во время операции. Наверное, поэтому кузнецы и были первыми стоматологами в древности.

Раннее утро, Дзар неторопливо раскладывает в багажнике старого джипа свои молотки, щипцы, зубила, разного

рода железные клинья и штыри. Предстоит долгий и тяжелый день, солнце еще не встало. Сейчас Дзар ругает кувалду, которая куда-то запропастилась, а без нее сегодня никак не справиться. В одной из близлежащих деревень осталась нетронутой огромная гусеница от подбитого во время войны танка. Надо съездить туда и выбить из нее побольше стальных клиньев, за счет которых держатся гусеничные траки. Превосходный материал для ножей и кинжалов, а их он производит так качественно, что не понимаешь, где волшебство, а где тяжелый кузнечный труд.

Из-за гор показалось солнце, бледно-розовое, как пятки младенца, словно новорожденный огонь, который еще не дышит в горне полной силой поднебесной стихии. Кувалда найдена и аккуратно расположилась на почетном месте среди своих младших собратьев. Мы тоже разместились в автомобиле и едем молча. Для меня приготовлено кузнечное зубило, такое же, как и обычное, просто оно не отделено от длинной рукояти, за которую я и буду держаться обеими руками, пока Дзар точными ударами попытается выбить стальной зуб из десны покореженного танка. Припекает, с каждой минутой становится все жарче. Всевышний раздул свой горн на славу. Солнце цвета раскаленного железа, желтовато-красное, так и норовит обжечь своим дыханием. Приехали.

Невероятно жестокий труд. Справились, едем обратно. А тут и светило стало после полудня мягче, не так жарко. Забытое многими слово — истома, его значение понимаешь лишь к вечеру. Забавно, что некоторые слова обретают смысл в зависимости от времени суток. Дзар не спеша ведет машину, он все делает не торопясь. Его медлительность вселяет уверенность. Кстати, прекрасный от природы стрелок, он своей медлительностью опережает ту цель, в которую метится и, наверное, потому никогда не промахивается. Половина жизни каждого из нас, а это четверть века на одного, про-

житы вместе. На двоих полвека, чего только не было за это время... Приехали в кузню. Как всегда, обратный путь домой короче.

Солнце заходит за море. Быстро скрываясь в плоскости воды, оно — словно только родившийся клинок, опускается в емкость с водой. Ночь закаливает светило, делает его прочным и острым, как кинжал горца, способным выдержать все удары судьбы. В зрачках Дзара пляшут огоньки, он раздувает горн, его ночь будет посвящена таинствуковки. Я устало сажу в дальнем углу кузни и молча наблюдаю, как живут две вечные истины — Солнце и Кузня.

ВЗГЛЯД НА СЕБЯ

Где-то очень далеко, в самом конце длинного ночного пути, меня ждало утро. Запотевшие стекла, холодный дождь за окном, чашка недопитого кофе и пустая пачка из-под сигарет. Мир полон людей, таких как я, которые разбавляют свою бессонницу мыслями, людей, думающих о том, что принесет им новый день.

Этот мир проживет и без нас, когда-нибудь память, укрывшая нас травой, проснется в бессонных ночах наших детей. Осень вернет им наши мысли, дождь заставит их слушать ту музыку, которую слушали мы, и капли на оконном стекле будут так же скатываться по дорожке, проведенной дрожащими пальцами.

Фотография пришла в мою жизнь довольно давно, с детства заморозила мое сознание. Волшебство проявления в почти абсолютной темноте, под слабым фоном красного фонаря изображение рождалось на бумаге. С течением времени глаз начал сам искать «кадр» в многообразии окружающего мира. Десятки, сотни кадров, зафиксированных фотоаппаратом, скопились в огромных пакетах. Портреты людей, которых уже давно нет в живых, мгновения детских праздников, просто красивые пейзажи.

Жизнь — словно огромный фотоальбом. Пришел день, когда я понял — устал. Я осознал, что мое сознание уже перестроилось не на обычное восприятие и наслаждение увиденным, а на «ловлю кадра». Пришло время отказаться от фиксации, пришло время смотреть, видеть и оставлять увиденное в собственной памяти.

Кажется, вижу себя со стороны — стоящего у окна, ожидающего очередное утро своей жизни...

Пора научиться смотреть на мир и не видеть в нем себя. Не строить планов, перестать контролировать собственные мысли, не зависеть от переживаний, жить и не думать о будущем.

Надо отвыкнуть от фиксации самого себя в собственной жизни, привыкнуть к тому, чтобы воспринимать собственное эго как песчинку в пустыне мироздания.

Пора становиться частью барханов.

НЕОКОНЧЕННЫЕ РАССКАЗЫ

Новый день пришел как-то неожиданно и тихо. Солнце, словно маленький котенок, нежно и мягко ступало по земле. Светало. Сонные рыбаки и такие же сонные лодки не спеша плыли к сонным косякам рыб, укрытым одеялом моря.

Ночная духота такая плотная, что выдуваемый мною сигаретный дым, не растворяясь в воздухе, тянется к горизонту, словно рельсы сказочной железной дороги.

Горы — как храм, всегда хочется оставить их себе на десерт в жизни, чтобы было куда уйти...

На ночь надо брать бутылку коньяка, сигареты и смотреть на звезды, да так пристально смотреть, чтобы не заметить, как у тебя крадут твой жизненный багаж.

Умер — узнал меру. Смерть и есть сама мера. Отмеренный промежуток одного мира. Познал меру, изменил измерение, сменил один мир на другой.

Говорят, политическое завещание Хуршьита было исполнено лишь в одном своем пункте — «Передать пресловутую ООНовскую туфлю в дар абхазским коршуноодам. Дабы они время от времени стучали оной по головам неразумной буржуазии»¹.

¹ В условиях существующей реальности под определением «буржуазия» подразумевается «чиновник».

Содержание

Трое	5
Контузия	6
Непонимание бытия	7
Соприкосновение молчания с осенью	8
Утопленники Времени	10
Блуждающая память	11
Дом из каштана	13
Джантоу	15
Анакопия	17
Лето сильных людей	19
No Comment	22
Избранный	23
Молчание мудрости	24
Шелкопряд	25
Кровь	26
26.10.92.	28
Про любовь	29
Усталость	30
Благо-дар	31
Отражение	32
Собеседник	33
Освященная явь	34
Владимир	35
Вспоминая лето	36
«Глаза...»	37
Условность размеров	38
Творение	39
Утопия взаимопонимания	40
Явь	42
Ноша	43
Пройденное	44

Морская любовь	45
Признание	46
Шип	48
Крест лет	49
Магазин «Букинист»	50
Заметка	52
Иллюзион	53
СМС-диалог	54
«Я поймал брошенный ею взгляд»	55
Ветеран	56
Тварь	58
Акакан	59
Неслучайность	60
Пластиковое семя	61
Вольфрамовая нить	63
Свалка	65
Пустырь	66
Не сказка про Золушку	68
ПОСТфактум	70
«Сиеста длиною в 25 лет...»	72
Теория лжесчастья	73
Обман	74
Бари луйс, жоховурд!	75
Время повзрослевших детей	77
Последний сентябрь	79
Вопросы в никуда	80
Падение било	81
Прогрессия регресса	82
Корни	83
«За что мстит История...»	86
Несостоявшаяся ссора	87
Шабат	89
Магицон	91
Ты — летописец	93
Полуденное ожидание	94

Холодный день	96
Границы измерения	98
Чан	99
Заметка	102
Шахта	103
Девятый день	106
Чудак-человек (<i>часть первая</i>)	109
Чудак-человек (<i>часть вторая</i>)	111
Человек и дерево	112
Человек и река	115
Дерево и река	117
Последнее плавание	120
Перст	123
Забывтое	125
Утро	127
Жизнь — судьба ореховая	129
Пустота	131
Доброго утра, Страна!	133
Размер мысли	135
Адам	136
Точка зрения	138
Смерть Фазиля Искандера	139
Приказ	140
«Walking»	141
Двое	142
Бессонное	143
Ожидание	144
Выход	145
Природа интуиции	147
Живописец	150
Взгляд на себя	153
Неоконченные рассказы	155

Ричард Чкадуа

ЧАН

Рассказы

Редактор — Татьяна Алексеева

Дизайн-макет — Стелла Садэба

Художник — Тимур Кайтан